

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
Международный фонд поддержки социогуманитарных исследований
и образовательных программ «Интерсоцис»
Международный центр изучения русской философии

**АКАДЕМИК А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ
В ПАМЯТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА**

Санкт-Петербург
2019

УДК 167+303+316.2+930.1+930.2
ББК 60+63.2+87.3(2)
А38

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *А.Ю. Дворниченко*
(Санкт-Петербургский государственный университет)
д-р ист. наук, чл.-корр. РАН *А.В. Сиренов*
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д-р флос. наук, проф. *И.Д. Осипов*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Редакционная коллегия:

В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, К.Ю. Лаппо-Данилевский,
А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев

Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества : [сборник] / редкол. : В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев ; отв. ред. : В.В. Козловский, А.В. Малинов. – СПб. : Интерсоцис, 2019. – 892 с.

ISBN 978-5-94348-074-4

В сборник вошли исследования и материалы, посвященные биографии и научному наследию академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). Основная часть публикаций представляет доклады на Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества» (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2019 г.).

Для всех интересующихся историей русской науки, философии, социологии, историографией.

При поддержке Фонда «История Отечества»

*В оформлении использован портрет А.С. Лаппо-Данилевского
(художник В.С. Торбоков, 2019)*

© Интерсоцис, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скворцов Н. Г.</i> Приветственное слово	7
<i>Ащеулова Н. Н.</i> Научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского в отечественной истории социальных наук	13

НАСЛЕДИЕ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ, ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

<i>Козловский В. В.</i> Историческая макросоциология А. С. Лаппо-Данилевского	22
<i>Скворцов Н. Г.</i> Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: к 100-летию со дня смерти	37
<i>Чернобаев А. А.</i> Академик А. С. Лаппо-Данилевский и архивная реформа 1918 года в новейших документальных публикациях и литературе	48
<i>Казаков Р.Б.</i> Издания «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского в XX–XXI в.	69
<i>Василенко В. В.</i> Идеи А. С. Лаппо-Данилевского в интегральной концепции П. А. Сорокина	93
<i>Малинов А. В.</i> А. С. Лаппо-Данилевский в истории русской социологии: к столетию со дня смерти ученого	114
<i>Корзун В. П.</i> А. С. Лаппо-Данилевский: к вопросу о генезисе интеллектуальной истории	131
<i>Румянцева М. Ф.</i> Развитие теоретико-познавательной концепции А. С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения	157
<i>Свешников А. В.</i> Образ А. С. Лаппо-Данилевского в творчестве Л. П. Карсавина	170
<i>Михайлова Е. Е.</i> А. С. Лаппо-Данилевский: социокультурное значение «живых» источников прошлого	179
<i>Долгова Е. А.</i> «Одна профессура по социологии»: всероссийский конкурс и институционализация новой кафедры в Петроградском университете, 1919–1922 гг.	192

<i>Боднарчук Д. В.</i> Коммеморации, посвященные А. С. Лаппо-Данилевскому	212
<i>Ольхов П. А.</i> Под маской энциклопедизма: конкретная индивидуальность в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского	233
<i>Безлепкин Н. И.</i> «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского в российских университетах	254
<i>Мотовникова Е. Н.</i> Типологический метод в «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского	277
<i>Тяпин И. Н.</i> Методология или философия истории? К вопросу о квалификации теории исторического познания А. С. Лаппо-Данилевского	296
<i>Курпьянов В. А.</i> Академик А. С. Лаппо-Данилевский и российская социология	316
<i>Рыбас А. Е.</i> А. С. Лаппо-Данилевский и критика контизма в социологии	331
<i>Серкова В. А.</i> Философские истоки методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского	345

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ В ИСТОРИИ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Дорошенко Н. М.</i> Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского в системе философско-исторического знания	357
<i>Комочев Н. А.</i> Методика дипломатического анализа в трудах школы А. С. Лаппо-Данилевского	371
<i>Приймак Н. И.</i> Понятие «исторический источник» в методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского	384
<i>Цамутали А. Н.</i> А. С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников	396
<i>Афиани В. Ю.</i> В. И. Вернадский и А. С. Лаппо-Данилевский: стремление к генерализации прошлого	408
<i>Илизаров С. С.</i> Историк науки Т. И. Райнов – ученик А. С. Лаппо-Данилевского	417

<i>Гришин К. П.</i> Личные и научные взаимоотношения академиков А. С. Лаппо-Данилевского и М. А. Дьяконова	435
<i>Рамазанов С. П.</i> Гносеологические и социальные контексты методологических исканий А. С. Лаппо-Данилевского	450
<i>Ратьковский И. С.</i> Перекрестки судеб: А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов и Д. Б. Рязанов в 1918 года	463
<i>Тихонов И. Л.</i> А. С. Лаппо-Данилевский и археология	474
<i>Трибунский П. А.</i> А. С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В. Г. Дружинина	492

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

<i>Захарко К. И.</i> Чины и награды в карьере российского профессора (первая половина XIX века)	516
<i>Грибовский М. В.</i> Студенческое движение рубежа XIX–XX веков глазами университетской профессуры	526
<i>Баринев Д. А.</i> Студенчество и профессура в 1911 году: характер конфликта и пути решения	545
<i>Жуковская Т. Н.</i> Феномен университетской мемуаристики и проекты издания воспоминаний о Санкт-Петербургском-Ленинградском университете	550
<i>Сидорчук И. В.</i> Проект «Российская наука в эпоху системных трансформаций, 1914–1934 годы»: достижения историографии и исследовательские перспективы	560
<i>Некрылов С. А.</i> Проблематика докладов на заседаниях юридического общества при Томском университете	575
<i>Фоминых С. Ф.</i> Чествование памяти А. С. Лаппо-Данилевского на заседании Историко-археологического общества при Томском университете в сентябре 1919 года	586
<i>Тихонов И. Л.</i> Подготовка археологов в российских университетах в 1920-е гг. и ее кризис в начале 1930-х годов	594
<i>Сосницкий Д. А.</i> Историки Публичной библиотеки в годы революции и гражданской войны (1917–1922)	617

<i>Боднарчук Д. В.</i> Профессор Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии Михаил Антонович Годлевский: жизнь и труды	622
<i>Трибунский П. А. Г. Ю.</i> Кольнибалозцкий (Дж. Кольни-Балозки) и начало преподавания русского языка в Лидском университете	628
<i>Потехина И. П. И. Д.</i> Андреев как историк западной церкви	635
<i>Андреева В. В.</i> Забытое имя: судьба молодого историка и этнографа Евгения (Эйна) Соломоновича Лейбовича (1907–1937)	646

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Лаппо-Данилевский А. С.</i> Записка о трудах П. Г. Виноградова	657
<i>Лаппо-Данилевский А. С.</i> Записка об ученых трудах ординарного профессора Императорского Московского университета В. О. Ключевского	660
<i>Лаппо-Данилевский А. С.</i> Записка об ученых трудах П. Б. Струве ...	667
<i>Малинов А. В.</i> Послесловие к публикации	670
<i>Лаппо-Данилевский К. Ю.</i> Семья А. С. Лаппо-Данилевского: истоки и традиции (вторая дополненная редакция статьи)	675
<i>Лаппо-Данилевский К. Ю.</i> Западная Европа в письмах А. С. Лаппо-Данилевского к жене (1896–1913 годов)	775
<i>Долгова Е. А.</i> Документы о деятельности Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского (1916–1923 годов): из опыта архивной эвристики	846
<i>Звенигородская Н. Г.</i> Художник А. А. Лаппо-Данилевский. Свидетель революционных бурь	858
<i>Лаппо-Данилевский К. Ю.</i> О дате рождения математика И. А. Лаппо-Данилевского	870
<i>Беляев Н. С.</i> Книги из собрания А. С. Лаппо-Данилевского в библиотеке ИРЛИ РАН (Пушкинский дом)	876

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В ПИСЬМАХ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО К ЖЕНЕ (1896–1913 гг.)

Аннотация. Письма русского историка А.С. Лаппо-Данилевского к его жене Е.Д. Лаппо-Данилевской погибли после ее смерти в осажденном Ленинграде во время Второй мировой войны. Только выдержки из них, сделанные самой Е. Д. Лаппо-Данилевской, хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Письма посылались жене во время различных поездок с 1896 по 1913 г., когда историк путешествовал без семьи в Швейцарии, Франции, Германии, Италии, Англии и Голландии. В них нашли отражение различные впечатления: от дикой природы в Альпах, от музеев и городской архитектуры, от западных коллег, встречавшихся с ним на конгрессах в Риме, Женеве, Берлине, Лондоне.

Ключевые слова. А.С. Лаппо-Данилевский, И.М. Гревс, русские путешествия за границу, Международные конгрессы историков, Международная ассоциация академий, восприятие западно-европейской культуры в России.

Среди материалов А.С. Лаппо-Данилевского, переданных в 1930-е гг. в Архив Академии наук его вдовой Еленой Дмитриевной Лаппо-Данилевской (урожд. Бекарюкова; 6.03.1868, Харьков – февр. 1942, Ленинград),¹ был документ, к которому она сделала следующее краткое предуведомление: «Прилагаемые четыре тетради, содержащие выдержки из писем А.С. Лаппо-Данилевского к М.С. Гревс и Е.Д. Лаппо-Данилевской, могут служить ценным дополнением к статье И.М. Гревса “А.С. Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души). Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920”».² В процессе обработки и описания архива, тетрадки, правда, были

¹ О ней подробнее в статье: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Два письма Е.Д. Лаппо-Данилевской к А.И. Андрееву 1939–1940 гг. // *Петербургский исторический журнал.* 2020 (в печати).

² СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 1.

отделены друг от друга и теперь составляют две единицы хранения.¹ Все же они, со всей очевидностью, должны рассматриваться в совокупности, как реализация общего замысла вдовы ученого, а именно: создать биографическое полотно, которое разрушило бы легенду о замкнутости, чопорности и черствости ее мужа, показало бы богатство его внутреннего мира и интенсивность его духовной и эмоциональной жизни, продолжив то, что впервые предпринял ее двоюродный брат историк Иван Михайлович Гревс (1860–1941) своим очерком «А.С. Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души)», опубликованным в 1920 г.² Весьма показательно, что Гревс в значительной мере опирался в нем на те же самые письма Лаппо-Данилевского к жене, дав им высокую оценку и процитировав два пространных пассажа – о прогулке по Аппиевой дороге в Риме (письмо от 14 июля 1896 г.) и о созерцании «Сикстинской Мадонны» в Дрезденской картинной галерее (письмо от 29 апреля 1902 г.). Это позволило Гревсу подкрепить яркими цитатами характеристику Лаппо-Данилевского, согласно которой для формирования его личности исключительную роль сыграли четыре «стихии».

Во-первых, это была *любовь к природе*:

Она жила в нем, сильная, широкая и тонкая. Он чувствовал и понимал равно ее грандиозные явления, как и интимные стороны, поднимался духом в высшие сферы вечно-го при соприкосновении с горными исполинами Альпов и приливами океана, умилялся в сердце наплывом лирических волнений при созерцании скромной картины русской дерев-

¹ Приведем их полные названия: 1) *Лаппо-Данилевский А.С.* Письма Гревс Марии Сергеевне, педагогу, жене И.М. Гревса. Из Москвы, Петербурга, Симферополя, Харькова, Ялты, д. Васильевки Харьковской губ. в Петербург. Выписки из писем. 1 тетрадь. Примеч.: Выписки сделаны Е.Д. Лаппо-Данилевской. Май 1889 – июль 1891 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. 42 л.; 2) *Лаппо-Данилевский А.С.* Письма Лаппо-Данилевской Е.Д., жене. Из Петербурга, Ялты, Мюнхена, Парижа, Майнца, Дрездена, Лондона, Киева, Рима, Неаполя, Берлина, Женевы и др. в Петербург. 1 письмо и выписки из писем. 3 тетради. Примеч.: Выписки сделаны Е.Д. Лаппо-Данилевской. Май 1894 – апр. 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. 94+1 л.

² *Гревс И.М.* А.С. Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 44–81.

ни или своеобразного настроения финляндского озера. Я сам много жил с ним летом близко к природе и на родине, и на чужбине и хорошо ощущаю его глубокую привязанность к многообразным красотам земли.¹

Во-вторых, это был *высокий и постоянный научный интерес*, обнаружившийся уже в юности:

Он отдавался философии уже гимназистом, увлекался популярною тогда «Историею философии» Льюиса, знакомился под влиянием распространенного интереса к позитивизму с Контом, также с Миллем. Но он штудировал и историю, много занимался античностью, основательно и воодушевленно изучал знаменитую историю Греции Грота. Еще в гимназии также притягивала его первобытная культура. Тогда новые работы Тэйлора ввели его в эту отдаленнейшую древность человека; вслед за Спенсером он вдумывался и в вопросы социологии.²

Третьей стихией была *музыка*, которая «уже с весны его жизни наполняла душу юного А<лександра> С<ергеевича> вдохновением, будила и двигала его и доставляла радость»:

Не знаю, кто первый обучал его игре на фортепьяно, но играл он уж ребенком, а потом достиг в этом искусстве большого совершенства, и оно сопровождало его научные занятия как верный друг, давая могущественную поддержку. Он стал не только любителем, но и знатоком музыки, серьезным ценителем, даже композитором. Он не только много знал и много исполнял, но много и писал музыкальных произведений, обладал здесь своеобразными вкусами; музыка была для него лучшим наслаждением и отдыхом: это — интересная сторона внутреннего мира А<лександра> С<ергеевича>, о которой, быть может, по изучении оставленного им материала есть что сказать важное для уразумения его натуры. Художественная литература, поэзия, специально родная, думается, в те времена влияла на него меньше.³

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Там же. С. 49.

И наконец, это была *религиозность*, особый характер которой Гревс подчеркивает:

Сильно и глубоко был проникнут А<лександр> С<ергеевич> в ранней юности религиозностью, неходячею, поверхностной, а глубокою, постоянно владевшюю им мыслью о Боге, неослабным стремлением озарить повседневность образом высшего, вечного, стать под покровительство абсолютного начала. Такая углубленная религиозность нередко являет собою особенность выдающегося детства: напрасно склонны мы часто умалять содержательность детской души.¹

Характеризуя своего друга в зрелые годы, Гревс подчеркивал особенную роль путешествий для Лаппо-Данилевского, которые тот любил «глубокою, сосредоточенною страстью», к которым неизменно тщательно готовился и никогда «не позволял себе относиться как к праздной, туристской забаве»:

Природа, искусство, быт, культура, наука, ученое задание — эти мотивы всегда осмысливали его путешествия, и наслаждение всегда уступало место труду, который, впрочем, не противоречил наслаждению, а одухотворял его. Мне также удавалось наблюдать его за границей и в красивой природе, и около памятника, и в книгохранилище; потом имеются целые серии писем его к жене; они посылались в большом количестве, длинные и содержательные, когда она с детьми не сопровождала его (что он больше всего любил); они дают картину разнообразного напряжения его духа во время поездок; как его времяпровождение в чужих краях характеризует его совершенно неспособный к праздности и легкомыслию склад! Природа разных стран, берлинская ученая жизнь, кельнский собор, парижская культура, памятники Италии и всего выше Рим — сколько превосходного материала все виденное там дало его мысли, чувству и воображению, и как он многое из этого сумел воплотить в слово, рассказать другим! Прочитывая эти письма теперь, я переживал с огромною глубиною и то, о чем он говорит, и то, что о нем самом гласят его слова, и то, что сам испытывал от заграничных впечатлений. Это богатая, кра-

¹ Там же. С. 49.

сочная и значительная летопись идейных странствований, научных и художественных паломничеств к великим святыням духа.¹

Оставшись в 1930-е гг. совершенно одна, пережив уже в советскую эпоху смерть обоих сыновей, Е.Д. Лаппо-Данилевская не решалась расстаться с письмами мужа к ней, содержавшими, видимо, немало сугубо личных пассажей.² Все же понимая общекультурную ценность этого эпистолярия, а также их биографическую важность, она решает сделать выборки из них; тогда же ей, видимо, были переданы оригиналы писем Лаппо-Данилевского к М.С. Гревс. Эти последние возникли главным образом во время почти годового пребывания И.М. Гревса с женой в 1890–1891 гг. за границей.³ В то время будущая жена Лаппо-Данилевского «заменяла М.С. Гревс в школе для детей рабочих Трубочного завода»⁴ на острове Голодай. В то же время Лаппо-Данилевский взял на себя преподавательскую нагрузку И.М. Гревса по истории в женской гимназии Л.С. Таганцевой.⁵ За время отсутствия Гревсов в Петербурге происходит сближение будущих супругов. И хотя Лаппо-Данилевский ничего не пишет своему «старому другу» М.С. Гревс о своей влюбленности и сватовстве,⁶ его письма полны воодушев-

¹ *Гревс И.М.* А.С. Лаппо-Данилевский. С. 74–75.

² По одному из писем (от 30 мая 1894 г.), каким-то случайным образом все же переданному в Архив Академии наук и присоединенному к тетрадкам выписок, можно заключить, что в них было немало ласковых и нежных пассажей – оно начинается с обращения к жене «голубок мой» (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 1).

³ В связи с этим см.: *Гревс И.М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 г.) / публикация и вступ. слово В.И. Рутенбурга // Россия и Италия. М., 1993. С. 281–315.

⁴ Примечание Е. Д. Лаппо-Данилевской, сделанное к выдержкам из писем ее мужа к М.С. Гревс (СПбФ РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 11).

⁵ Там же. Л. 14 об.

⁶ На предстоящую женитьбу Лаппо-Данилевский лишь намекает в одном из июньских писем 1891 г. из Ялты: «Но в июле я съезжу, вероятно, к Бекарюковым в Васильевку, а что будет дальше еще не знаю. Я так рад буду снова увидеть Вас, так хорошо будет опять встретиться со старым другом, а у меня их, Вы, знаете, немного и тем дороже они мне. Елена Дмитриевна также радуется Вашему приезду, впрочем, она,

ления, а из редких упоминаний его жены можно понять о силе владевших им чувств и серьезности складывавшихся отношений. Так, в мартовском письме 1891 г. находим такую подробность: «В воскресенье вечером, как всегда, был на 6 линии,¹ долго беседовал с Еленой Дмитриевной. Хотелось убедить ее во вреде и ложности ее чувства недоверия к себе, которое только лишает энергии».² В мае 1891 г. Лаппо-Данилевский выехал с сестрами Бекарюковыми, Марией и Еленой, на юг; совместная поездка продлилась до Харькова. В его июньском письме М.С. Гревс читаем: «Очень хороший был этот длинный путь».³ Лаппо-Данилевский едет дальше в Ялту, к родителям; сестры Бекарюковы – в Васильевку, куда он к ним приезжает несколько позже, в июле. 16 августа 1891 г. состоялось венчание А.С. Лаппо-Данилевского и Е.Д. Бекарюковой в Преображенской церкви, выстроенной Бекарюковыми в слободе Ивановка, неподалеку от Васильевки.⁴ После этого события переписка Лаппо-Данилевского и М.С. Гревс, по очевидным причинам, утратила былую интенсивность.

Выборки из писем Лаппо-Данилевского к жене охватывают куда более долгий период – с мая 1894 по апрель 1913 г. В них оказывалась запечатлена жизнь историка в то время, когда он разлучался с семьей, путешествуя в России и за границей, а это случалось нередко.

Занятый сначала обучением в университете, затем написанием магистерской диссертации и ее защитой, а с 1890 г. преподавательским трудом как приват-доцент в Университете и как экстраординариус в Историко-филологическом институте, и, конечно же, семейными хлопотами (первый ребенок в браке с Бекарюковой умирает в младенческом возрасте; сын Иван рождается осенью 1895 г.), Лаппо-Данилевский долго не бывает за границей, неизменно проводя летние месяцы вместе с родными – отчасти в Крыму, отчасти в имении Удачное Екатеринославской губернии. Лишь в марте 1896 г. он

вероятно, сама писала вам об этом, да, может быть, и о кое-чем другом» (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 41).

¹ Т. е. в квартире Гревсов по адресу: 6-я линия В. О., д. 17.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Дата содержится в выписке о венчании в личном деле Лаппо-Данилевского (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 227–227 об.).

начинает хлопотать через Историко-филологический факультет университета «о командировке с ученою целью за границу» на каникулярное время, в результате чего ему было выдано свидетельство о командировании по 15 сентября.¹ Одновременно с ним аналогичное путешествие на срок с 15 мая по 15 сентября 1896 г. разрешено приват-доценту И.М. Гревсу. Через два года Лаппо-Данилевский подает прошение о командировке за границу с тою же «ученою целью» на июнь и июль 1898 г. и будет командирован по 1 августа.²

После трудоустройства в Академии наук 4 декабря 1899 г. Лаппо-Данилевский неоднократно бывает за границей, как явствует из его послужных списков:³

с 24 мая по 14 сентября 1900 г. «с ученою целью в Москву и за границу»;

на летние месяцы 1901 г. «туда же»;

с 24 апреля 1902 г. «за границу на летние месяцы»;

с 1 августа на 1 месяц и 10 дней в 1903 г. «с ученою целью за границу», для участия во втором Международном конгрессе историков в Риме;

с 12 мая по 1 сентября 1905 г. «с ученою целью за границу»;

с 6 по 12 августа 1908 г. «за границу», для участия в третьем Международном конгрессе историков;⁴

¹ Об оставлении при Университете А.С. Лаппо-Данилевского // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 8801. Л. 80–83.

² Там же. Л. 87–89.

³ Данный перечень носит отчасти предварительный характер, ибо из-за закрытия 31 октября 2019 г. СПбФА РАН в связи с его переездом многие архивные единицы оказались мне недоступны. Были использованы послужные списки Лаппо-Данилевского в личном деле его сына Александра: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Ед. 936. Л. 7–16 (формуляр от 19 сентября 1914 г.), 22–31 (формуляр от 5 мая 1917 г.). Ср. также паспорта и паспортные книжки Лаппо-Данилевского 1900-х и 1910-х гг., куда были вписаны его жена, сыновья, а иногда и «няня Аполлинария Ивановна Орфанова», о которой в семье ученого сохранились теплые воспоминания (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 10–19 об., 24–32, 75–80, 82–93, 144–150, 155–158, 173–185, 189–195, 216–218; Там же. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 1–11).

⁴ Ср.: *Лаппо-Данилевский А.С.* 1) Сообщение о международном конгрессе историков, происходившем в Берлине 6–12 августа (н.с.)

с 12 марта по 1 июня 1910 г. «за границу в качестве делегата от Императорской академии наук на заседание Общего собрания международного союза академий» в Риме;
с 15 сент. на 1 месяц 1910 г. «с ученою целью за границу»;
с 14 марта на 1 месяц 1913 г. для участия в четвертом Международном конгрессе историков.¹

В послужных списках Лаппо-Данилевского также отмечено три поездки за границу во время отпусков; по всей видимости, они совершались вместе с семьей и сыграли исключительную роль в формировании интеллектуального горизонта его сыновей:

с 26 мая по 1 сентября в 1904 г.;
с 10 мая по 10 сентября 1907 г.;
с 4 июля «на каникулярное по Академии наук время» в 1913 г.

Еще из одного косвенного источника, письма Лаппо-Данилевского к М.А. Дьяконову от 7 июня 1914 г., явствует, что начало этого лета в канун Первой мировой войны он проводил с семьей недалеко от городка Аббации (Опатии) в Истрии.²

Благодаря тетрадкам с извлечениями из писем Лаппо-Данилевского³ можно судить о его впечатлениях от следующих пребываний в Западной Европе (увы, отнюдь не всех, известных нам).⁴

1908 г. // Известия Имп. академии наук. 1908. С. 1113–1116; 2) Проект адреса от Академии Берлинскому университету // Известия Имп. академии наук. VI сер. 1910. Т. IV. № 17. С. 1378.

¹ Сравнив этот перечень с данными, помещенными ниже, несложно заметить, что в нем отсутствуют сведения о поездках Лаппо-Данилевского в апреле – мае 1902 г. в Италию и в июле 1909 г. в Швейцарию, о которых мы знаем из выписок его жены (см. далее).

² РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 177; здесь и далее использованы ксерокопии писем к Дьяконову в собрании С.Н. Валка; подлинники хранятся: АРАН. Ф. 639. Оп. 1. Ед. хр. 257–259.

³ Номера им присвоены мною и отсылают к текстам, публикуемым ниже.

⁴ В перечне, приведенном ниже, сведения о цели поездок даются с учетом их содержания и информации из других источников. В тех случаях, когда ученый посвятил им какие-то публикации, информация об этом приводится в сносках, также как и архивные шифры дел, к ним непосредственно относящихся.

1896, май – июль; № 1–18 из Австрии, Германии, Швейцарии, Франции и вновь Германии (из Вены, Мюнхена, с побережья Боденского озера, из Люцерна, Бриенца, Лозанны, Дижона, Парижа, Майнца и Дрездена); «с ученой целью в каникулярное время»;

1898, июнь – июль; № 19–22 из Германии и Англии (из Берлина и Лондона); «с ученой целью в каникулярное время»;

1902, апрель – май; № 23–30 из Италии (Рим, Неаполь), для обследования рукописи «*Varia spectantia ad Moscoviam*» в неапольском Палаццо Реале после работы в Кенигсбергском государственном архиве и в архиве Ватикана;¹

1905, июнь; № 31–33 из Италии (Флоренция); всего три письма из продолжительной командировки с 12 мая по 1 сентября 1905 г. «с ученою целью за границу»;²

1909, июль; № 34–37 из Швейцарии и австрийского южного Тироля (из Женевы и Трафоя); на празднование 300-летия Женевского университета;³

1910, апрель – май; № 38–41 из Италии (из Рима и Равенны); на общее собрание Международного союза академий в Риме;⁴

¹ Подробнее см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. // Известия Имп. академии наук. V сер. 1902. Т. XVII. № 4. С. 01–01V.

² Из письма Лаппо-Данилевского М.А. Дьяконову от 12 сентября 1905 г. явствует, что это лето он проводил с семьей в Тироле, откуда отлучился на несколько дней во Флоренцию для работы в Национальной библиотеке (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 158 об.).

³ Документы по участию в юбилее Женевского университета: пригласительные билеты, программы, проспекты, списки делегатов, речь А.С. Лаппо-Данилевского, газетные и журнальные вырезки со статьями о юбилее. Автограф, подлинники. Апр. – июль 1909 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 92. 57 л.

⁴ Отчет академиков О.А. Баклунда, К.Г. Залемана, Ф.Н. Чернышева и А.С. Лаппо-Данилевского о командировке на общее собрание Международного союза академий, состоявшееся в Риме весной 1910 г. // Протоколы заседаний Общего собрания Имп. академии наук. СПб., 1910 (прил. к протоколу заседания 6 ноября 1910 г.; без паг.). Об участии Лаппо-Данилевского в работе этой организации см.: Документы по деятельности в Бюро Международного Союза академий: отчеты и

1910, октябрь; № 43–45 из Германии (Берлин); на празднование столетия Берлинского университета;¹

1913, март – апрель; № 46–51 из Голландии, Англии и Бельгии (Амстердам, Лондон, Брюгге); для участия в четвертом Международном конгрессе историков.²

Вскоре после начала работы в Академии наук на Лаппо-Данилевского неизменно возлагались почетные и ответственные обязанности по репрезентации русских ученых на международных симпозиумах и торжествах.³ Официальной стороне и тех, и других мероприятий посвящались отдельные издания, в которых публиковались их программы и протоколы; их работа освещалась в современных хрониках и обзорах, а позднее – в отдельных исследованиях, поэтому вряд ли имеет смысл останавливаться на ней подробно. Отмечу лишь, что в течение многих лет Лаппо-Данилевский неизменно играл существенную роль в подготовке международных конгрессов историков⁴ и в деятельности Международной ассоциа-

протоколы заседаний, доклады, пригласительные билеты, переписка по организационным вопросам. 1903–1914 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 59. 254 л.

¹ Документы по участию в праздновании юбилея Берлинского университета: приветственный адрес Академии наук; текст речи А.С. Лаппо-Данилевского, список участников юбилея, пригласительные билеты и др. Автограф, подлинники. 8 сент. – 13 окт. 1910 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 93. 62 л.

² В связи с участием Лаппо-Данилевского в берлинском и лондонском конгрессах см.: Документы по участию в комиссии по участию в [II и III] Международных конгрессах исторических наук: протокол ИФО о командировке А.С. Лаппо-Данилевского и тексты его речей на конгрессах, программы, списки. Автограф, подлинники, черновики. 10 авг. 1908 – 3 сент. 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 91. 45 л.

³ Об этом: *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // *Источник. Историк. История: сб. науч. работ.* СПб., 2001. Вып. 1. С. 135–256 (особенно подглавку «Международная деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского», с. 238–244).

⁴ Наиболее полную библиографию о деятельности съездов см. в специальной работе: *Зонова Н.С.* Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004 (на правах рукописи).

ции академий.¹ Так как во главе их стояли выдающиеся ученые своего времени, то завязывавшиеся с ними контакты оказывались длительными и плодотворными. Трудам двух из ученых, знакомство с которыми состоялось на международных конгрессах историков, Лаппо-Данилевский даже посвятил специальные обзоры,² с многими из них у него завязалась переписка (см. подробнее в комментариях к соответствующим письмам).³

Куда важнее, что выборки из писем Лаппо-Данилевского доносят до нас его индивидуальные впечатления и сугубо личные переживания, охватывающие куда более широкий спектр явлений, чем лишь официальная сторона научных мероприятий. В отношении же поездок, с ними не связанных, эти выписки оказываются единственными источниками знаний о напряженном самообразовательном труде, которым путешествия были наполнены, а также о весьма академичных художественных вкусах Лаппо-Данилевского. Историка в первую очередь интересовали выдающиеся произведения живописи и ваяния, вершинные создания европейской цивилизации. Он спешит к древнегреческим скульптурам в мюнхенской Глиптотеке (эгинеты), в парижском Лувре (Венера Милосская и Ника Самофракийская), в берлинских хранилищах (пергамские рельефы, тогда ожидавшие постройки нового специального музея), в лондонском Британском музее (Парфенонские мраморы). Своей многообразной начитанностью и эрудицией он подготовлен к этой встрече (а отчасти и детерминирован в своем восприятии) – потому-то, к примеру, при описании античных скульптур историк неоднократно варьирует знаменитую формулу И.И. Винкельмана «edle

¹ Укажем итоговую работу с обширной библиографией: *Gierl M. Geschichte und Organisation. Institutionalisierung als Kommunikationsprozess am Beispiel der Wissenschaftsakademien um 1900.* Göttingen, 2004.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* 1) Записка об ученых трудах Эдуарда Мейера // Известия Императорской академии наук. VI сер. 1910. Т. IV. № 1. С. 35–37; 2) Записка об ученых трудах проф. Анри Пиренна // Известия Российской академии наук. VI сер. 1919. Т. XIII. № 1. С. 60–62.

³ В этой переписке решались не только организационные вопросы, но и собственно научные. Так, в письме к Джорджу Протеро от 12 апреля 1916 г. Лаппо-Данилевский просил сообщить о принятых в Англии подходах к публикации исторических документов (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 17. Л. 2 об.).

Einfalt, stille Größe» («благородная простота, спокойное величие»),¹ а при описании и эгинетов, и созданий Фидия опирается на периодизацию немецкого искусствоведа, выделявшего четыре стиля греческого ваяния в «Истории искусства древности». В Дрездене Лаппо-Данилевский вполне предсказуемо отправляется в первую очередь «на поклон» к «Сикстинской Мадонне», вокруг которой в русской культуре давно сложился своеобразный культ, и посвящает ей прочувствованное описание.² В Брюгге он приобретает довольно большое количество репродукций хранящихся там картин Яна Ван-Эйка и Ганса Мемлинга.³ Отношение его к современному искусству настороженное и, скорее, скептическое, как узнаем из посещения Мюнхенского сецессиона. Об этом визите он не сожалеет, хотя и не без раздражения пишет, что «декаденты-живописцы, очевидно, стараются вызвать известное настроение в зрителе и достигают этого различными, нередко замечательно дикими способами» (июньское письмо 1896 г.).⁴ И хотя до нас дошла лишь малая толика высказываний Лаппо-Данилевского по вопросам искусства, она вполне дает возможность представить, сколь важное место эти впечатления занимали в жизни его семьи и близких, в какой атмосфере

¹ Ср. при описании Венеры Милосской: «В Венере удивительное сочетание обнаженного тела со стыдливостью, женственности с твердостью, простоты с величавостью, сквозь этот мрамор просвечивается *жизнь*» (июльское письмо 1896 г.); «Все трактовано в простом строгом и величавом стиле, сила изваяний, с таким мастерством сгруппированных Фидием, в них самих» (июньское письмо 1898 г.); и др.

² Описание «Сикстинской Мадонны» в «Мыслях о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре» И.И. Винкельмана (1755) стоит у истоков многочисленных экфрасисов этой картины в Германии. В России восторженные строки ей посвятили Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, В.К. Кюхельбекер, Н.А. Полевой, В.Ф. Одоевский, А.А. Бестужев, В. Белинский, А.И. Герцен, А.А. Фет, А.К. Толстой, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский и многие другие.

³ СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. 49. Здесь же имеются репродукции рисунков Леонардо да Винчи и картин Рембрандта. Ср. также виды и планы Брюгге, Кельна и Рима в фонде ученого: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. 48.

⁴ При этом историк совершенно обходит вниманием картины русских художников, выставленные в Мюнхенском сецессионе, – А.М. Васнецова, В.В. Переплетчикова, И.И. Левитана.

росли его дети. Это тем более важно, ибо младший сын историка А.А. Лаппо-Данилевский уже в юные годы был увлечен идеями новейшего искусства. Он позднее становится художником, чье творчество – замечательная страница истории русского авангарда.

Выборки из писем Лаппо-Данилевского, сделанные его вдовой в 1930-е гг., тем более драгоценны, что их оригиналы, как и другие материалы, которые она не спешила передать в Архив Академии наук, погибли в блокадном Ленинграде после ее смерти.¹ Насколько же точно и полно донесла Е.Д. Лаппо-Данилевская содержание этих писем?

Географию Западной Европы и ее музейных собраний она знала не столь хорошо, как ее муж, латынью, итальянским и английским не владела, чем объясняются многочисленные неточности в написании топонимов (особенно швейцарских) и достопримечательностей, искажения личных имен (они исправлены без оговорок). Она не приводила точных дат писем, ограничиваясь такими указаниями, как «май 1896 г.», «июнь 1896 г.» и проч., сокращала фамилии упоминаемых лиц до начальных букв (в большинстве случаев их, правда, удастся восстановить по другим источникам). Более того, как выясняется из сравнения пассажей, процитированных Гревсом в его очерке, с теми же в передаче Е.Д. Лаппо-Данилевской, она порой редактировала и сокращала текст своего мужа. Так, рассказ Лаппо-Данилевского о прогулке по Аппиевой дороге в Риме в письме от 29 апреля 1902 г. у Гревса выглядит следующим образом (курсивом отмечены пассажи, опущенные Е.Д. Лаппо-Данилевской, в квадратные скобки заключены слова, наоборот, отсутствующие у Гревса):

Вчера утром лил дождь и, казалось, небо никогда не прояснится. Я хотел было предпринять поездку в Альбано, к горам и озерам древней Альбы (*Alba Longa*), родины римлян и самого Рима, но при виде хмурого неба *отложил попечение об экскурсии* и принялся за работу. К часу, однако, небо стало проясняться, и я решил пройтись пешком по той

¹ Приходится с сожалением констатировать, что не из всех писем, хранившихся у нее, Е.Д. Лаппо-Данилевская сделала выборки. Так, обращаясь к А.И. Андрееву 19 февраля 1940 г. она цитировала весьма важный пассаж из утраченного письма 1891 г., в котором ее муж размышлял о загробной жизни и которое по другим источникам неизвестно (СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Ед. хр. 222. Л. 3–4).

самой Via Appia antica, [по которой мы ездили с тобою два года тому назад]. Сначала я проехал на трамвае до S. Giovanni in Laterano. По моему расчету тут можно было прямо попасть в поля и ими пройти на Via Appia. Так и оказалось. Я сразу вышел из города в Римскую Кампанию. С первых же шагов мне пахнуло древностью: старинные полуразвалившиеся церкви или монастыри стояли у дороги, которая вилась между высокими серыми стенами. Я скоро вышел на Via Appia и прошел далеко за надгробный памятник Caeciliae Metellae, [туда, где мы с тобою не были]. Если дорога до него полна воспоминаниями о ранней поре христианства, о Петре и легенде Quo Vadis, о жителях катакомб, о христианской крови и слезах, которые, вероятно, омочили каждый из старинных камней, лежащих на пути, то после величавой башни Цецилии, одиноко и резко выступающей на темно-синем небе, впечатления меняются. Дорога¹ идет между двумя рядами гробниц языческого римского времени. Большинство из них, [конечно,] совершенно разрушено, и пепел мертвецов давно рассеян ветром по пустыне и диким полям Кампании, но часто еще встречались мне и полусохранившиеся² кирпичные здания, в виде маленьких четырехугольных домиков, [вероятно,] в прежнее время обложенных мрамором и украшенных статуями и рельефами, множество обломков их разбросано³ [повсюду] кругом. В домиках кое-где еще⁴ видны своды и своеобразные ниши, а в одном из них я заметил даже засохшую известку, которою замурованы были урны.⁵ Есть и рельефы умерших: на одном из них изображен статный римлянин по пояс, с надписью: G. Rabirius Hermodogus, за ним две женщины с благородно задумчивыми лицами – все из хорошего белого мрамора. А кругом дороги с ее полуразрушенными гробницами – совершенная пустыня, но пустыня, населенная могучими призраками прошлого: всюду виднеются громадные, полуобвалившиеся акведуки, которые длинными рядами арки тянутся по долине, кое-где между ними встают ис-

¹ У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *Шоссе*.

² У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *полуразвалившиеся*.

³ У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *которых рассеяны*.

⁴ У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *кое-где еще*.

⁵ У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *в которых были замурованы урны*.

калеченные дворцы, храмы и виллы. Только¹ стада овец с пастухами, одетыми в овечьи *же* кожи, изредка прерывают величавое молчание навеки погибшего прошлого. Постоянная игра света и теней в этот день еще усиливала *мои* впечатления. По небу носились тучи, и тени их скользили по развалинам. Казалось, что они сами готовы дрогнуть от ужаса при виде своего запустения... К вечеру поднялся ветер, он стал шелестеть травой и сгонять тучи к Апеннинам и Альбанским горам, совсем посиневшим.² Мне *как-то* сделалось жутко. Не отдохнув, я скорым шагом пошел назад, точно зашел, куда не следует, где должна³ быть вечная тишина и покой...⁴

Текст данного письма в очерке Гревса, несомненно, более близок к оригиналу. Гревс опускает лишь два кратких пассажа, обращенные непосредственно к Лаппо-Данилевской, которые та как раз сохраняет, исключая некоторые фразы и их части, более существенные для восприятия впечатлений ее мужа. Именно поэтому ниже при воспроизведении данного письма взят за основу его текст в очерке Гревса; описание «Сикстинской Мадонны» у Е.Д. Лаппо-Данилевской и Гревса разнятся в меньшей степени.

Заслуга введения в научный оборот писем Лаппо-Данилевского из зарубежных поездок принадлежит В.П. Корзун, опубликовавшей 25 выдержек из них.⁵ Ниже нами воспроизведена 51 выписка – т. е. все, что в тетрадках, заполнявшихся его вдовой, относится к теме заграничных путешествий ученого. Тексты печатаются по рукописи: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10; выписки, ранее опубликованные, сверены и уточнены по оригиналам.

¹ У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *И только.*

² У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *потемневшим.*

³ У Е.Д. Лаппо-Данилевской: *должны.*

⁴ *Гревс И.М.* А.С. Лаппо-Данилевский. С. 75–76.

⁵ Часть эпистолярия была опубликована В.П. Корзун по этой рукописи в кн.: Мир историка. XX. М., 2002. С. 390–409. Содержательный обзор этих писем предложен в статье: *Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г.* Путешествия русских историков конца XIX – начала XX в. как культурная традиция // Там же. С. 92–138. Ср. также: *Грехова Г.И.* Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1976. Т. 8. С. 262–273.

А. С. Лаппо-Данилевский — Е. Д. Лаппо-Данилевской

1896

№ 1

Вена, май 1896 г.

Пишу тебе из Вены, где встретился с К.¹ Завтра или послезавтра выезжаем в Мюнхен. Здесь наскоро успел побывать в Естественно-историческом музее,² где занялся осмотром коллекций доисторических древностей (3 зала более 20000 предметов), причем успел сделать несколько заметок. Затем перешел в Этнографический музей.³ Так как времени было мало, а предметов из всех частей света масса (11 зал), то пришлось остановиться на одной специальной задаче: я стал следить по коллекциям, у каких из современных дикарей еще в наше время были в употреблении каменные орудия. Это вопрос малоизученный и очень интересный для проведения аналогий между культурой древнейшего человека и теперешнего дикаря и вообще для теории переживания. Но и по этому частному вопросу материала оказалось так много, что я не успел всего кончить своевременно. Хотелось побывать в Художественном музее,⁴ где мы вместе с К. познакомились со старо-немецкой школой, с Дюрером и Гольбейном младшим во главе. Последний, несомненно, выше всех остальных, по крайней мере, как портретист. И теперь такие портреты, живые, колоритные, замечательно тонко написанные, — редкость...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 33 об.–34.

О летнем путешествии 1896 г. Лаппо-Данилевский по возвращении писал М.А. Дьяконову 2 августа из Ялты: «Вы, вероятно, потеряли

¹ К. — лицо неустановленное. Возможно, Лев Константинович Куманин (1869–1920), имя которого обозначено в более ранних, «русских» письмах буквой «К». В 1890–1891 и 1891–1892 гг. Куманин вместе с А.Е. Пресняковым были постоянными слушателями первых курсов А.С. Лаппо-Данилевского в университете.

² Музей естествознания (Naturhistorisches Museum); открыт в 1889 г.

³ Современное название: Всемирный музей (Weltmuseum Wien), бывший Этнологический музей (Museum für Völkerkunde); основан в 1876 г.

⁴ Музей истории искусств (Kunsthistorisches Museum); открыт в 1891 г.

надежду получить ответ на Ваше письмо, дорогой Михаил Александрович, так как предполагаете, что я получил его уже месяц с лишком тому назад, а между тем прочел я его лишь несколько дней спустя по приезде моем сюда, в Ялту, после заграничного путешествия. Дело в том, что я собрался наконец проездиться по Европе и на время отрешиться от всяких домашних дел и отечественных прелестей. Ехать пришлось одному, так как Лёля не могла, конечно, покинуть Ваню и в конце мая выпроводила меня 25-го, сама выехала в Ялту, где мы и пробудем приблизительно до 20-го августа. Своим путешествием я остался доволен, любовался швейцарской природой дней 6, а остальное время посвятил осмотру музеев и городов Австрии, Франции и Германии. К сожалению, времени было слишком мало для того, чтобы хорошенько ознакомиться с общественною и государственною жизнью французов и немцев, храбрости не ставало на то, чтобы завести какие-либо научные связи и знакомства. Но все же сведений и впечатлений я понабрался немало: многие из них пригодятся и для будущих или текущих моих занятий по истории культуры (особенно первобытной), и теории обществоведения. После такого непосредственного знакомства с музеями по доисторической археологии я, может быть, решусь в ближайшее время открыть специальный курс в университете по первобытной культуре. Разумеется, кроме чисто научных результатов я, помимо того, во время моих странствий испытывал немало наслаждений эстетического свойства» (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 85–87).

№ 2

Мюнхен, июнь 1896 г.

Из Вены мы великолепно проехали в Ischl,¹ куда прибыли поздно вечером. Картины, которые пришлось видеть по этой дороге, отгоняли сон, а дождь, ливший целую ночь, вызывал опасения на счет следующего дня. Я встал в 4^{1/2} часа утра и вышел во двор: кругом, как ватой, все обложено, дождь продолжается, но воздух горный чистый дивный. Несмотря на погоду мы проехали через озеро к вершине Schafberg² а (1780 м.)² и взобрались наверх по Zahnradbahn.³ Картины волшебные и ощущения совсем новые.

¹ Ишль (*нем.*); полное название: Бад-Ишль – город в Верхней Австрии.

² Шафберг (*нем.*); гора в горном массиве Зальцкаммергут в Верхней Австрии. Фуникулер на горе Шафберг был открыт в 1893 г.

³ Фуникулер (*нем.*).

По мере того, как мы поднимались все выше и выше, перед глазами открывалась котловина, из которой, точно громадные клубы пара, вырывались облака. Казалось, что стоишь у огромного котла, в котором невидимые силы варят космос. Вскоре мы очутились среди облаков, застилавших все остальное, и доехали до снегов. Холода большого не было, и мы отправились (разумеется, по устроенным для этого дорогам) немного дальше пешком. К этому времени погода прояснилась, и нам открылся вид на несколько озер внизу, на длинную изумрудную долину и на горы, окутанные кое-где облаками, сквозь которые блестел снег. Все это нельзя описать, надо видеть. Спустившись вниз и побродив около часа у озера, мы уехали в Мюнхен...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 34–35.

№ 3

Мюнхен, июнь 1896 г.

Сегодня я вышел из номера в 8 часов утра и вернулся в 8^{1/2} час<ов> вечера. Был вместе с К. в Новой пинакотеке и один в Этнографическом и Промышленном музеях¹ и на художественной выставке Secession.² Сегодня мне хочется сказать тебе в общих чертах, что я вынес из этой художественной выставки, устроенной особым обществом вольных художников (живописцев и скульпторов). У них свой прекрасный дом, в 11 залах которого выставлено было до 600 картин.³ Большинство новой декадентской школы.

¹ О королевской этнографической коллекции (Königlich Ethnographische Sammlung), нынешнее название: Музей пяти континентов (Museum Fünf Kontinente).

² Сецессион (нем.); о Мюнхенском сецессионе (нем. Münchener Secession), выставочном зале одноименного объединения мюнхенских художников, отделившихся в 1892 г. от Мюнхенской ассоциации художников.

³ О здании в Мюнхене по адресу: Prinzregentenstrasse, 1. О картинах, виденных Лаппо-Данилевским, можно составить представление по каталогу: Offizieller Katalog der Internationalen Kunst-Ausstellung des Vereins bildender Künstler Münchens (A.V.) «Secession», 1896 / 3. Aufl., ausgegeben am 1. August 1896. München: Bruckmann, 1896. 62, 72 S. Он содержит 453 позиции в четырех разделах: №№ 1–354. Картины мас-

Я впервые вижу ее в картинах и хотя не жалею, что потратил на это 2^{1/2} часа времени и 2 марки денег, но не могу сказать, чтобы особенно хорошо себя чувствовал, пересмотрев эту панораму. Художники этой школы пишут больше мазками и даже смешивают краски не на палитре, а на самой картине, во время писания ее (*tempera*¹). Эти мазки иногда переходят в какую-то мозаику, вся картина кажется сложенной из маленьких камешков. Декаденты-живописцы, очевидно, стараются вызвать известное настроение в зрителе и достигают этого различными, нередко замечательно дикими способами. Цель верна, но средства какие-то чахлые, болезненные, слабые, да и сама цель поставлена слишком исключительно. Например, представлен обыкновенный вид, но он или слишком бледен, сравнительно с действительностью, точно полинял, или наоборот, слишком темен. В таком виде («Symphonie»²) почти всегда преобладает один какой-нибудь цвет – черный, красный, кирпичный и т. п. Это стремление давать преобладание одному какому-нибудь цвету своего рода мономания с психологической точки зрения, и может быть названа монохромией – с технической. Виды, однако, не всегда обыкновенные по контурам и композиции. Некоторые из них положительно напоминают какие-нибудь японские произведения. Фигуры не так легко калечить, как пейзажи, но за то декадентские живописцы вознаграждают себя при писании человеческой фигуры в других отношениях. Они, например, прибегают в одних случаях к своего рода фантастической иконописи, в других пользуются самыми резкими контрастами красок. Нередко фигуры представлены на самом необычайном фоне и отличаются удивительно странным колоритом. На одной из картин, например, мальчик совершенно желтый на светло-малиновом фоне!³ Наконец, самим фигурам придается какая-то *rigidité*,⁴ будто они в сомнамбулическом припадке или столбняке. Есть картины, в которых основная мысль выражена настолько неясно, что остается скрытой от зрителя. На одной из них, например, представлена пустая кровать

лом; №№ 355–412. Картины темперой, акварели, пастели, рисунки; №№ 412а–436. Скульптуры; №№ 436а–455. Графика.

¹ Темпера (*итал.*).

² Симфония (*нем.*).

³ Неясно, какая картина имеется в виду.

⁴ Жесткость (*фр.*).

с бельем, внизу подпись: Todbett.¹ Декадентство нередко обращается за темами к Ветхому и Новому завету, но обходится с ними по-своему. Замечательны, например, по своей странности, приемы Uhde.² Он изображает сцены из жизни Иисуса Христа, но в современной *нам* обстановке, так что проповедь его, например, слушают не евреи и еврейки, а немцы и немки и т. д.³ Иногда такие сюжеты написаны в совершенно фантастическом виде, например, рай.⁴ Кроме вариаций на священные тексты встречаются, разумеется, и другие темы, но большею частью необыкновенные, хотя и далеко не всегда оригинальные. Как священные, так и мирские темы представлены большею частью символически и аллегорически. Иногда действительность и символизм или аллегоризм совмещаются на одном и том же холсте, последними художник как бы желает подчеркнуть первую, выделить из них то, что в них есть, по его мнению, ценного. Но такой прием придает картине крайне субъективный характер и лишает зрителя всякого свободного и самостоятельного чувства. Много можно было бы еще написать обо всем этом, да уже поздно...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 35–37 об.

№ 4

Мюнхен, июнь 1896 г.

Сегодня напишу тебе немного, потому что бегал не меньше, чем вчера в 8^{1/2} мы уже уезжаем на Luzern⁵ и Interlaken.⁶ Бродячая

¹ Смертное ложе (*нем.*); о картине «Ein Sterbebett» Томаса Виктора (Thomas Viktor).

² Имеется в виду художник Фриц фон Уде (Fritz von Uhde, 1848–1911).

³ В тот момент в Мюнхенском сецессионе были выставлены следующие картины Фрица фон Уде на евангельские темы: «Отдых во время бегства [в Египет]» (1894), «Христос проповедует у Генисаретского озера» (1896), «Христос и Никодим» (ок. 1896) «Волхвы с Востока» (1895) (Offizieller Katalog der Internationalen Kunst-Ausstellung des Vereins bildender Künstler Münchens (A.V.) «Secession», 1896. S. 30).

⁴ Возможно, имеется в виду картина Рихарда Римершмида «“И Господь Бог насадил сад в раю”» (Ebenda. S. 26).

⁵ Люцерн (*нем.*).

⁶ Интерлакен (*нем.*).

жизнь начинает надоедать, и я с удовольствием думаю о том, как проведу дней десять в Париже и позаймусь там своими научными трудами. В научном отношении Мюнхен дал мне, пожалуй, меньше Вены, но в художественном едва ли не более. Скульптура в Glyptothek'e,¹ разумеется, довольно случайного набора, но отдельные залы очень интересны. Одна из них, например, занята так называемыми эгинетскими мраморами² (остатками храма Минервы в Эгине V века до Р. Х.),³ интереснейшими памятниками греческой скульптуры переходной поры от условного Египетского стиля к свободному художественному воспроизведению блестящей поры греческого искусства.

В Alte Pinakothek⁴ я впервые познакомился с старо-итальянской школой (например, Тосканской, одна из картин которой 1300 года)⁵ и с старо-немецкой (Кельнской, например, картина Вильгельма Кельнского 1380 года⁶ и др.). Некоторые из этих старых вещей очень хороши и много дают. Рубенс также представлен здесь лучше, чем в Вене. Там он мне вообще представился довольно противным, здесь, напротив, кое-что свидетельствует о крупном таланте. Каталоги всюду имеются и составлены так, что каждый из них сам по себе – кладезь мудрости.

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 37 об.–38 об.

¹ Глиптотека (*нем.*).

² О скульптурах с фронтона храма Афайи (ок. 510–480 до н. э.) на острове Эгина. В 1814 г. приобретены баварским кронпринцем Людвигом (будущим королем Людвигом I).

³ Афайя после завоевания Эгины афинянами стала нередко отождествляться с Афиной.

⁴ Старая пинакотека (*нем.*).

⁵ О картинах Джотто и Таддео Гадди.

⁶ О Вильгельме Кельнском (или же мастере Вильгельме; Wilhelm von Köln, Meister Wilhelm), художнике, упоминаемом в документах г. Кельна между 1370 и 1390 гг., и его картине «Св. Вероника с Нерукотворенным Образом в руках» («Hl. Veronika mit dem Schweißstuche»).

№ 5

Bodensee,¹ июнь 1896 г.

Приехали сюда после довольно томительного, но и чрезвычайно красивого путешествия из Мюнхена через Тирольские Альпы. Железная дорога поднимается незаметно на высоту 1300 м по долине Инна. Поворот из нее в горы великолепен. Перевал переезжают через туннель в 16 минут, после него Vorarlberg.² Сегодня думаем поехать по озеру, хотя погода серенькая. Боюсь, что мы плохо рассчитали, куда и когда тебе писать и очень тяжело без всяких известий. Надеюсь найти письма в Люцерне. Сам ежедневно пишу тебе в Ялту...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 38 об.–39.

№ 6

Люцерн, июнь 1896 г.

Только что приехали сюда. Я оставил вещи на вокзале и бросился на почту, но так и остался не при чем. Вот уже 10 дней, как ничего нет. Очевидно и интересные путешествия имеют свои обратные стороны и для меня самой тяжелой оказывается невозможность установить аккуратную корреспонденцию с твоей стороны, потому что трудно рассчитать, когда и куда попадешь.

Из впечатлений моих сегодня самым светлым был проезд на пароходе через Bodensee. Вода изумрудная, снежные вершины виднеются кое-где издали, но кругом большею частью невысокие холмы, воздух чистый и свежий. Завтра едем на Rigi³ – Bergfahrt.⁴ Напишу завтра. Сегодня не пишется, потому что очень горько и тревожно оставаться без писем...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 39–39 об.

¹ Боденское озеро (*нем.*).

² Форарльберг (*нем.*); самая западная область Австрии со столицей в Брегенце.

³ Риги (*нем.*); горный массив в Центральной Швейцарии, наиболее высокая вершина Риги Кульм, высотой 1797,5 м над уровнем моря.

⁴ Поездка в горы (*нем.*).

Люцерн, июнь 1896 г.

Просто не знаю, что и думать. И сегодня ничего не получил с почты, зайдя туда после экскурсии по Фирвальдштетскому озеру. Трудно при таких условиях наслаждаться тем, что видишь, а насладиться можно было бы, так величественны некоторые из картин, мелькающих перед глазами. К сожалению, они только «мелькают», во-первых, потому, что дожди нередко портят виды и мешают выполнению наших планов, во-вторых, потому, что все путешествие совершается довольно стремительно.

Сегодня собрались мы на Rigi, погода началась прекрасной и первая половина поездки по озеру, а затем по зубчатой железной дороге вверх на высоту 1800 м была довольно удачна. Но затем мы попали в тучи и сверху ничего не видели, хотя уже на полпути можно было предвидеть, что за виды открылись перед нами с высоты на Фирвальдштетское озеро и на окружающие его вершины. Сверху мы спустились по тропинкам сквозь тучи и дождь, так что пришлось вместо интересной экскурсии в Känzeli¹ просидеть на вокзале. Далее мы снова сели на паром и поехали к Flüelen'у.² Дорога между Brunnen'ом³ и Flüelen'ом просто сказочная. Проезжая мимо разных местечек, я высматривал «пансионы» и рисовал себе в воображении, как хорошо было бы когда-нибудь пожить здесь вместе. Из Flüelen'a мы возвращались пешком до Tellsplatte.⁴ Эта часть озера величественна не только по природе, но и по историческим воспоминаниям. Справа Rütli⁵, где четыре кантона поклялись защищать свою свободу,⁶ слева – площадка, на которую Тель выпрыгнул из лодки и поднял восстание. Природа соответствует этим событиям и вызывает чрезвычайно сильное чувство. Пе-

¹ Кенцели (нем.).

² Флюэлен (нем.).

³ Бруннен (нем.).

⁴ Плита Телля (нем.), место на берегу Фирвальдштетского озера, где по легенде Вильгельм Телль выпрыгнул из лодки Альбрехта Гесслера, наместника Габсбургов, и тем спас свою жизнь.

⁵ Рютли (нем.); горный луг около Фирвальдштетского озера, где по преданию представители старейших кантонов Ури, Швиц и Унтервальден дали клятву о взаимопомощи (Клятву Рютли).

⁶ В действительности три.

ред нашим возвращением в Люцерн появилось солнце и тройная радуга над зардевшимися снегами Альп. Посылаю тебе образцы Alpenflor'a,¹ которые я собрал по дороге для тебя...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 39 об.-41.

№ 8

Brienz,² июнь 1896 г.

Теперь могу получить что-нибудь от тебя только в Brieg'e,³ куда мы выходим завтра пешком и где будем дня через три. Сюда прибыли по железной дороге. На одной из станций я успел выбежать на площадку, с которой видна вся долина Meiringen'a.⁴ Сверху снега и льются водопады самыми причудливыми струями. Снизу богатая растительность, деревни, обработанные поля сменяют скалы и сосны. Из Brienz'a ездили в Interlaken, но в Interlaken'e самое лучшее то, что ему в сущности не принадлежит – Jungfrau⁵ с ее ледниками и вечными снегами, которые сверкают на солнце каким-то ужасно таинственным блеском. Так ярко чувствуешь свое собственное ничтожество при виде этой громады, которая простояла тысячелетия и простоит еще столько же. Разумеется, к этому присоединяется и художественное чувство, когда взглянешь на эту вершину, не оскверненную и не опошленную человеком, с ее яркой белой шапкой на голубом фоне. Мой спутник, сидя возле меня, заметил, что вот мы, два субъекта, смотрим на «белое пятно» и на это тратим полтора часа усилий. Я возразил ему, что эти два субъекта не только смотрят, но и мыслят, и не только видят «белое пятно», а испытывают ощущения. Для меня это ощущение было неясным, каким-то мистическим...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 41–42.

¹ Альпийской флоры (нем.).

² Бриенц (нем.).

³ Бриг (нем.).

⁴ Мейринген (нем.).

⁵ Юнгфрау (нем.), третья по высоте вершина бернских Альп (4158,2 м над уровнем моря).

№ 9

Lausanne,¹ июнь 1896 г.

Пишу сегодня только для того, чтобы известить тебя о неудавшейся нашей пешеходной экскурсии в Brieg. По дороге мы узнали, что тот путь, по которому мы хотели пройти, еще завален снегами и что даже почта там не ходит. Пришлось повернуть оглобли и доехать по железной дороге до Лозанны. Вся остальная экскурсия теперь уже по железной дороге...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 42–42 об.

№ 10

Lausanne, июнь 1896 г.

Отсюда мы отправились сегодня на Zermatt² в горах. По дороге громадные скалы, бушующие потоки, переходящие в водопады, сплошные леса пихт и высочайшие в Альпах вершины кругом. Все это перечисление, разумеется, не дает ни малейшего понятия о том, что я видел. По приезде в Zermatt я сейчас же потащил К. в горы. Мы шли в продолжение двух часов вверх по тропинкам, среди коз и коров с звенящими колокольчиками. Сейчас я не чувствую сил передать тебе свои впечатления...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 42 об.

№ 11

Dijon,³ июнь 1896 г.

Перед самым отъездом из Brienz'а. Я получил наконец твою маленькую-премаленькую записочку, которую мне переслали из Люцерна и которая шла таким образом 7 дней! Конечно, я сам все напутал и сам во всем виноват. Во всяком случае теперь настроение совсем другое. Уезжая из Швейцарии, я сам заехал в Vevey⁴ потянули туда воспоминания детства. Я пробыл там 2^{1/2} часа и прошелся по всем местам городка, по которым ходил когда-то

¹ Лозанна (*фр.*).

² Церматт (*нем.*).

³ Дижон (*фр.*).

⁴ Вёве (*фр.*).

23 года тому назад 9–10-летним мальчиком.¹ Центральная часть города почти не изменилась, но окружность его разрослась так, что я с некоторым трудом узнал наше прежнее обиталище в доме Monnerot. Это время показалось мне таким далеким, точно не я, а какой-то мой двойник бывал когда-то на этих местах. Такое туманное чувство должны были бы испытать души умерших, перешедшие в новые тела, когда эти тела оказывались бы в более или менее прежних условиях жизни, сходных с предшествующими, раз пережитыми. Тяжело было думать, сколько молодости и свежести исчезло уже у меня, невольно думалось о том, сколько могли бы дать эти молодые силы, если бы были направлены с самого начала на более правильный путь. Но жаркий день и какая-то сонливость в воздухе усыпляли мои чувства и мысли. Под конец я взбежал на высокую террасу St. Martin² и смотрел на сонное озеро и сонный городок. Кругом играли дети да слышались из церкви медленные повторяющиеся звуки органа. В 3 часа я уехал через Lausanne и очутился в Dijon. В Париж приеду завтра вечером.

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 42 об.–44.

№ 12

Париж, июнь 1896 г.

Утро первого дня в Париже я провел с Иваном (И.М. Гревс).³ Он зашел за мной в 7^{1/2} и повел меня в Булонский лес. Затем мы проехали на пароходе по Сене, пробежали по Quatier Latin,⁴ зашли в Sorbonne⁵, где, к сожалению, все лекции и занятия уже

¹ В позднем автобиографическом очерке Лаппо-Данилевский писал о полуторагодовом пребывании в Швейцарии в 1872–1873 гг., перед тем как он в начале 1874 г. поступил в Симферопольскую гимназию (Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. академии наук. Пгр., 1915. Ч. I: А–Л. С. 405).

² Святой Мартин (*нем.*); имеется в виду терраса рядом с готической церковью Св. Мартина (перестроена из более ранней, романской в конце XIII в).

³ Пояснение в скобках принадлежит Е.Д. Лаппо-Данилевской.

⁴ Латинский квартал (*фр.*).

⁵ Сорбонна (*фр.*).

кончены. Потом пошли только взглянуть на Notre-Dame¹ и хотели попасть еще в Лувр, но тут свободное время Ивана кончилось, и мы с ним расстались. Было уже поздно. Мне надо было еще устроить кое-какие дела и вечером быть у Г.,² от которых вернулся к себе совсем усталый, так что о своих впечатлениях напишу завтра...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 44.

№ 13

Париж, июнь 1896 г.

Париж действительно интересный и красивый город. Интересен он потому, что один из очень немногих, если не один из европейских центров, в котором жизнь билась на протяжении 2000 лет. Наряду с руинами времен римских встречаются развалины романского и раннего готического стиля, который во многих местах сменяется ренессансом и бароком, в свою очередь уступающими место самым тонким ухищрениям современного городского зодчества. Внешним наслоениям соответствуют, может быть, по крайней мере, отчасти и внутренние, но их ведь не так скоро разглядишь в современном Вавилоне. Все это разнообразие производит довольно цельное и гармоничное впечатление, может быть, оттого, что Па-

¹ Нотр-Дам (*фр.*).

² Скорее всего, речь идет «Гольштейнах», т. е. об Александре Васильевне Гольштейн (1850–1937) и ее муже Владимире Августовиче Гольштейне (1849–1917), держателях известного литературно-художественного салона, в котором встречались представители русской и французской культуры в 1890-е гг. Гревс неизменно активно общался с ними во время приездов в Париж, как и другие члены «приютинского братства» (С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский). Видимо, после знакомства с Лаппо-Данилевским в 1896 г. было написано шуточное стихотворение А.В. Гольштейна, в котором тот упомянут: «Ходит Гревс в волнении – / Не находит места: / Мучаюсь сомнением, / Мучаю “Дигесте”: // Отзыв дал мне веский / Лапо-Данилевский, / Что писать об Аттике / Вздор без математики; // Что вся суть истории / В формулах, табличках. / Вот каков он Лапа – / Не то, что Аничков! *и т. д.*» (Переписка Вяч. Иванова с А.В. Гольштейн / публ., вступ. ст. и коммент. М. Вахтеля. и О.А. Кузнецовой // *Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1996. Т. 41. С. 337–338.*

риж рос поясами, которые потом во время «Cigée»¹ прорезаны были насквозь новыми широкими и красивыми улицами, связывающими эти пояса в одно целое. Внутреннее же единство, несомненно, поддерживается широким общением, которое, по-видимому, легко устанавливается благодаря общему кровному происхождению и общим политическим интересам. Очень хотелось мне зайти в *Chambre des députés*.² Иначе этих интересов воочию не увидеть.

От общего впечатления перейду к частностям. Утро я посвятил знакомству с рукописным отделением *Bibliothèque Nationale*.³ В ней до 3 миллионов книг, но каталоги пока далеко еще не все напечатаны, а *Salon de travail*⁴ слишком мал для помещения всех желающих. Зато все справочные книги находятся в распоряжении читателя, и каждый сам может достать что ему нужно. Поднявшись в *Département des manuscrits*,⁵ где я в сущности после 2^{1/2} часов розысков ничего не нашел, я отправился в Лувр и начал осмотр с древнейших памятников, т. е. с Востока (Египта и проч.), помещенных частью внизу, частью наверху. Вообще меня прямо поразила *беспорядок*, царящий в этом собрании. А между тем, сокровищ собрано так много, что ими можно было бы прекрасно воспользоваться для изучения той замечательной *непрерывности* развития, которая обнаруживается воочию, когда сопоставишь культуру Древнего Востока с зародышами греко-римской цивилизации по собранным здесь памятникам. Завтра закончу этот отдел и перейду к *Antiquités Asiatiques*.⁶ А там подоспеет воскресенье, и я отправлюсь в *St. Germain*,⁷ где очень богатое собрание европейских, в частности

¹ «Добыча» (*фр.*); название романа французского писателя Эмиля Золя, входящего в цикл «Ругон-Маккары»; герой романа Аристид Саккар беззастенчиво обогащается, воспользовавшись масштабной перестройкой центра столицы при Наполеоне III.

² Палата депутатов (*фр.*).

³ Национальная библиотека (*фр.*).

⁴ Читальный зал (*фр.*).

⁵ Отдел рукописей (*фр.*).

⁶ Азиатские древности (*фр.*).

⁷ Сен-Жермен (*фр.*), подразумевается посещение Музея национальных древностей (*Musée des antiquités nationales*) в городке Сен-Жермен-ан-Лэ, в 19 км от Парижа.

галльских доисторических древностей. Затем вернусь к Louvre¹ и буду рядом изучать средневековую духовную культуру (гл<авным> обр<азом> живопись, скульптуру и архитектуру) и материальную (средневековое производство разных предметов). Последний вопрос можно будет немного уяснить и при помощи Musée Cluny²...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 44 об.–46.

№ 14

Париж, июль 1896 г.

Сегодняшний день я посвятил обозрению marbres antiques³ в Louvre⁴. Не буду описывать тебе всех этих мраморов, так как смотреть на них интересно, но читать описания было бы скучно, тем более, что разнообразием сюжетов древняя скульптура не отличается. Все боги да богини, изредка полубоги в простой житейской обстановке. Но перед двумя скульптурами – Венерой Милосской⁴ и Победой (Ника)⁵ я стоял с чувством глубокого восхищения. Никакие снимки не могут передать этой красоты. В Венере удивительное сочетание обнаженного тела со стыдливостью, женственности с твердостью, простоты с величавостью, сквозь этот мрамор просвечивается *жизнь*. Без рук, без ног, с попорченными плечами и обломанным плащом, Венера производит цельное впечатление *женщины* в самом благородном смысле этого слова, и женщины, которая сама сознает свое благородство. Победа-Ника (305 г. до Р. Х.) – произведение другого рода. Она изображена в виде крылатого гения, который стоит на корме корабля и возвещает победу. Вся ее фигура проникнута спокойной торжественной силой, ткани

¹ Лувру (*фр.*).

² Клюни (*фр.*).

³ Античные мраморы (*фр.*).

⁴ Венера Милосская – древнегреческая скульптура, созданная приблизительно между 130 и 100 гг. до н. э.; найдена в 1820 г. на острове Милос (Мелос), доставлена во Францию и в том же году передана в Лувр.

⁵ Ника Самофракийская – древнегреческая мраморная скульптура богини Ники, найденная на острове Самофраки в 1863 г. Долгое время считалось, что статуя была изваяна в честь победы Деметрия I Полиоркета в морском сражении у Саламина в 306 г. до н. э.; ныне большинство исследователей считает, что она была создана ок. 190 г. до н. э.

ее пеплума развиваются ветром. Поза ее и направление крыльев – несимметрично, что придает ей особого рода жизненность. Жаль, что все эти описания, разумеется, ничего не могут тебе дать...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 46–47.

№ 15

Париж, июль 1896 г.

Сегодня страшная жара. Пишу тебе в Люксембургском саду. Передо мной лужок с пальмами, агавами, юкками и т. п., кругом каштаны и платаны, справа старинный фонтан в цветистом стиле ренессанса, слева пруд, в котором блещут золотые рыбки и плещутся утки. Отсюда недлинный путь в свой ресторан я совершил в 1^{1/2} часа. Дело в том, что по набережным над Сеной тянется почти непрерывный ряд железных ящиков, заполненных разными старыми книгами. Я уже несколько раз производил ревизию этим ящикам, но, к несчастью, ничего не находил в них. А сегодня попало путешествие Тооке^а¹ в Россию (конца XVIII века) в 4 томах, довольно важный источник для нашей внутренней истории. За все 4 тома (in 16°) я заплатил 1 франк, т. е. 26 коп.! Пришлось по жаре таскать своего Тооке^а по городу.

Под вечер я поехал на кладбище Père Lachaise,² где похоронены многие знаменитости. Это целый город мертвых, в котором слишком мало зелени и цветов, нет места для этой роскоши. Тяжелое впечатление получается и при проезде через улицы, окружающие кладбище. Элегантный Париж не дает понятия об этой страшно заселенной грязной части города с узкими улицами, высокими домами, уличной толпой и т. д. В конке возле меня с одной стороны сидело несколько молодых рабочих, самого отчаянного парижского типа, не пропускавших ни одной женщины без замечаний, с другой стороны старый каменотес, с которым я вступил в разговор, но, к сожалению, его пришлось прервать и очень скоро пересесть в другую конку...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 47–48.

¹ *Tooke W. Russia: or, a Compleat Historical Account of All the Nations Which Compose That Empire. London, 1780–1783. Vol. 1–4.*

² Пер Лашез (*фр.*).

Париж, июль 1896 г.

Письма мои принимают характер дневника, набрасываемого на бумагу довольно поверхностным туристом, форма эта скучноватая, но что же делать, когда такие расстояния. На мои вопросы твои ответы приходят через неделю с лишком и обратно.

Сегодня утром я отправился в Notre-Dame послушать орган в 86 регистров и с лишком 5^{1/2} тысяч труб. Старинное здание XII века не поражает своими размерами. В прежние времена, когда Notre-Dame подавляла окружавшие ее средневековые городские домики своим величием, она казалась, вероятно, гораздо больше, чем теперь, окруженная большими пятиэтажными домами нашего века. Гармоничное сочетание различных частей здания немало способствует замечательному впечатлению, какое выносишь при первом взгляде на него. Передний фасад, который хорошо виден благодаря довольно большой площади, устроенной недавно, состоит как бы из трех этажей. Каждый последующий ниже и легче предшествующего, этому способствуют застекленные окна в среднем этаже и легкая сквозная колоннада, в сущности, представляющая третий этаж. За фасадом, точно из корпуса здания, высятся знаменитые, хотя и недостроенные (без конусов) башни Notre Dame. Нижние их части, впрочем, очень высокие, окружены *contrefort*'ми,¹ средние, поменьше, с четырех сторон освещены длинными узкими окнами готического стиля, а верхние (которые, вероятно бы, придали башням менее грузный вид) – отсутствуют. Между башнями начинается *nef*,² т. е. главный корпус, рядом с которым по бокам идут два малые корабля с нишами, где теперь устроены малые алтари и похоронены разные лица, в том числе и верный сын католической церкви Pasteur.³ Центральный корабль длиннее боковых, в том месте, где заканчиваются эти последние, над главным корпусом поднимается новая башня с суживающейся верхушкой. Наружные стены корабля всюду пробиты на большой высоте длинными и узкими готическими окнами, подперты очень

¹ Контрфорс (*фр.*).

² Неф (*фр.*).

³ О Луи Пастере (Louis Pasteur, 1822–1895) – французском химике и микробиологе.

сложной и живописной системой архитектурных укреплений. Когда войдешь в одну из дверей, покрытых по сторонам множеством скульптур, перед тобой открывается высочайший свод, жаль только, что он замыкается слишком тупой линией сверху. Свет в церковь падает сверху из застекленных цветными стеклами окон. Все цвета радуги, проходя через них, дают таинственное освещение, гармонизирующее с этими почти голыми, строгими стенами и тонкими длинными колоннами, точно неудержимо стремящимися вверх.

Но сильнее всего на меня в этой обстановке подействовал орган и церковное пение, сопровождавшее воскресную службу. Музыкальный фон органа – глухой рокот, точно отдаленные раскаты грома. На этом фоне выделяются звуки то сильные и торжественные, то нежные и дрожащие, как бы теряющиеся в высоких сводах церкви. Между звуками нет резких переходов, они свободно переливаются друг в друга и сочетаются в дивную гармонию, которая может доходить до самых сложных музыкальных концепций контрапункта. Но в церкви играл не один, а два органа. Один расположен был над входом (главный), другой – подле алтаря. Вторым служил аккомпанементом для церковного пения. Звуки неслись таким образом с двух концов храма, навстречу друг другу, чередовались и соединялись вместе. Я ничего подобного не слышал и просидел бы целый день, если бы к 11^{1/2} служба не закончилась и могучие звуки не затихли. Пришлось встать и отправиться по своим обычным делам в другую часть города...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 48 об.–51 об.

№ 17

Майнц, июль 1896 г.

Сегодня я провел утро в Кельне и сюда попал вечером. В Кельне меня, конечно, больше всего привлек собор – великолепный памятник готической архитектуры XIII века. Снаружи собор этот производит впечатление чего-то очень могущественного, сильного, но еще довольно тяжелого, не оформившегося. Внутри, напротив, получается гармоническое впечатление, особенно вчера утром, когда в самой глубине свода играли лучи солнца, над алтарем курился фимиам, а сверху раздавались звуки органа и церков-

ного пения. Я нарочно устроил так, чтобы попасть в Кельн в воскресенье и присутствовать на торжественной церковной службе, когда только и можно услышать орган и пение в полном блеске. На меня все это произвело глубокое впечатление... Музыка дивная. К органу присоединялся прекрасный хор, исполнявший страшно трудные вещи, например, прелюдии и фуги Баха. Я тут впервые понял, что фуги Баха, созданы для голосов, а не для инструментов. Не сумею передать всю ту сложность чувства, которую могут вызвать эти музыкальные произведения в таком исполнении. Голоса постепенно осложняются, точно перебивают друг друга и спешат то один за другим повторять один и тот же напев, то вместе в разных тонах, темпах и ритмах разрешить сложную задачу. Но разрешить ее трудно, иногда невозможно, и песнь обрывается как бы вопросом, который торжественно раздается в церкви. Хороши и те церковные (средневековые) песни, которые исполняются преимущественно мужскими голосами, в сопровождении органа. Во мне они вызвали какое-то горькое чувство: сколько молитв возносилось в этом храме, сколько веков подымались они к его каменным сводам и разбивались о них!

Два часа я простоял у одного из пилястров собора, пока все не кончилось и не пришлось уйти волей-неволей в чистенькие улицы Кельна, на которых слонялась наряженная толпа местных обывателей и бродили, подняв кверху нос, разные туристы. Мне уже было довольно впечатлений и не хотелось продолжать осмотра собора и города. Наскоро обежал кое-что в полчаса и уехал на Кобленц...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 51 об.–52 об.

№ 18

Дрезден, 14 июля 1896 г.

После восьмидневного пребывания в Берлине покинул его сегодня вечером с хорошими воспоминаниями не столько от самого города, сколько от вынесенных из его хранилищ полунаучных, полухудожественных впечатлений. Впрочем, и люди во всяком случае как-то приятнее действовали на меня в Берлине, чем в Париже, больше у них простоты и непосредственного чувства в обращении, больше добросовестности и систематичности. Что же касается таланта, то это, конечно, еще подлежит спору. Пожалуй, во Франции

было больше выдающихся талантов, чем в Германии (хотел было прибавить «оригинальных», но вспомнил что талант всегда должен быть оригинальным, иначе это не талант), но речь идет не об исторических заслугах того или другого народа и не о его замечательных лицах, а о большей или меньшей привлекательности его в целом. Впрочем, мои впечатления, может быть, вызваны и довольно случайными обстоятельствами, во всяком случае, это только впечатления, а не заключения.

По прибытии моем в Дрезден я на следующее утро отправился в музей смотреть Мадонну Рафаэля.¹ Картина² произвела на меня очень сильное впечатление. Сама Мадонна твердо ступает по облакам, написанным, к сожалению, довольно жестко,³ и несет на жертву человечеству Христа-младенца. Глаза ее устремлены вдаль и как бы видят тот ужасный путь, который ей придется пройти вместе с сыном, лицо отражает те страдания, которые она испытает в будущем, когда будет присутствовать при мучениях и смерти «искупителя». Но она идет вперед⁴ и ткани ее развеваются по ветру, образуя своеобразный нимб вокруг ее стройной фигуры, в которой так хорошо изображены кроткая покорность тому, «что написано», и тяжелое предчувствие грядущего.⁵

Еще сильнее Мадонны представлен младенец. При первом взгляде на него мне даже страшно стало от той громадной духовной энергии, которая выражается главным образом в складках его губ, лба и особенно в глазах. Младенец не видит препятствий, он видит цель и видит ее не где-нибудь в стороне, а в самом себе, в своем «святая святых»;⁶ в этом взгляде есть что-то великое и могучее. И несмотря на такое выражение, Христос остается младенцем, спокойно прислонившимся к плечу матери. По бокам группы стоят старец,⁷ с умилением указывающий Марии на предстоящий

¹ О «Сикстинской Мадонне» Рафаэля, выставленной с 1754 г. в Галерее старых мастеров в Дрездене.

² У Гревса: *Великая картина*.

³ У Гревса отсутствует: *написанным, к сожалению, довольно жестко*.

⁴ У Гревса: *Но, тем не менее, она идет вперед*.

⁵ У Гревса: *грядущей беды*.

⁶ Позже поправлено Е. Д. Лаппо-Данилевской на «святое святых»; у Гревса: «святое святых».

⁷ У Гревса: *старец (папа Сикст)*.

путь, и женщина,¹ преклоняющаяся перед группой. В них изображено человечество.² Внизу самой рамы бюсты двух ангелов-младенцев. В выражении³ их лиц прекрасно сказывается настроение самого зрителя. Они погружены в глубоко-торжественное благоговейное созерцание того шествия, какое совершается на облаках и как бы в ужасе от его неземного величия. Я, право, также испытывал⁴ нечто подобное. Глядя на эту картину, точно *присутствуешь* при совершении *таинства*. То же настроение, может быть, и у большинства посещающих эту залу:⁵ публика стоит молчаливо в комнате, где помещается холст Рафаэля, как будто она и не в картинной галерее,⁶ а в храме, куда пришла молиться. Фотографии вовсе не дают понятия о внутреннем содержании картины...

Больше писать не буду, через пять дней увидимся в Ялте...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 53–54 об.

Точная дата письма почерпнута из: *Гревс И.М.* А.С. Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 75.

1898

№ 19

Берлин, июнь 1898 г.

Путешествие мое прервалось временной остановкой в Берлине, куда приехал я сегодня утром и куда я думаю выехать дальше в Лондон послезавтра. Сегодня я больше слонялся по улицам с А.,⁷ чем делал что-нибудь путное. Завтра зайду еще раз после двух лет

¹ У Гревса: *женщина (св. Варвара)*.

² У Гревса: *прообразовано человечество*.

³ У Гревса: *в выражениях*.

⁴ У Гревса: *Я сам, право испытывал также*.

⁵ У Гревса: *охватывает и большинство посещающих залу*.

⁶ У Гревса: *где помещено произведение Рафаэля, как будто она не в картинной галерее*.

⁷ Лицо неустановленное.

посмотреть Пергамские рельефы¹ в Nationalgalerie,² где, вероятно, уже немало нового, а вечером буду слушать «Лоэнгрин»,³ для чего я, правду сказать, остался лишний день. Мне также хотелось попасть в университет на лекцию какого-нибудь известного мне лица, но, к сожалению, все эти лица читают приватные лекции (т. е. маленькому числу специалистов, в среду которых попасть простому зрителю на один раз, конечно, неудобно). Студенты все в статских платьях, никаких надзирателей за ними не видно. Официальные расписания преподавателей не вывешены, а каждый профессор собственноручно оповещает студентов о предметах и времени чтений. В этом чувствуется простота и близость отношений между лектором и слушателями. Иногда лекции читаются на дому – здешнее общество и правительство как-то доброжелательно относятся к студенчеству. В нем точно чувствуют здесь силу новых поколений, надежду нации. Такое доверие, конечно, возлагает на студентов обязанность оправдать его, они, вероятно, сознают это и таким образом возникает то нормальное отношение, какое существует здесь между молодежью и общественно-правительственными силами. И горько было думать о быте наших студентов. Конечно, и здесь есть обратная сторона медали. Нередко встречаются молодые люди со шрамами на лицах от ран, полученных на дуэлях, и тут попадаются полупьяные студенты, но в них не убита жизнерадостность, они умеют пользоваться в жизни настоящим и верят в будущее, что дает им большую силу. Эта сила получает еще большее значение, потому что подчинена известной организации. Стоит войти в Vorhalle⁴ университета, и сейчас же бросается в глаза не-

¹ О Пергамском алтаре – эллинистических рельефных изображениях битвы богов с гигантами из города Пергама в Малой Азии (первая пол. II в. до н. э.), находящихся ныне в Пергамском музее (Pergamonmuseum) в Берлине. Его первое здание было построено в 1897–1898 гг. и торжественно открыто для доступа публики в 1901 г.

² Национальная галерея (*нем.*), в 1898 г. располагалась в здании Старой национальной галереи (Alte Nationalgalerie) на Музейном острове в Берлине, где тогда была выставлена часть рельефов Пергамского алтаря.

³ Об опере Р. Вагнера «Лоэнгрин» (1850).

⁴ Вестибюль (*нем.*).

сколько десятков объявлений о разных Verein'ах,¹ которые назначены тогда-то и там-то. Связь между кончившими студентами и профессорами, то есть между подрастающими и стареющими поколениями, не теряется, а это имеет громадное значение для развития страны, которое благодаря этому становится более непрерывным и последовательным...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 55 об.–56. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 392.

№ 20

Лондон, июнь 1898 г.

Сегодня утром я проснулся на пароходе уже у берегов Англии. В Лондоне попал случайно не в тот пансион, который мне рекомендован, но остался там, так как комната чистая, дает в садик с большими платанами и рядом Британский музей, что очень удобно. Прежде всего я сегодня устроился для занятий в Библиотеке, а затем побывал в окрестностях города и в таких садах, каких отроду не видел и каких, быть может, никогда не увижу. Это – Kew Gardens.² В первую минуту в непрерывном море зелени, свежей, только что распустившейся, разобраться было трудно, но мало-помалу глаза привыкли, и я стал различать бесконечное множество оттенков. Газоны великолепные, точно по персидскому ковру, тянутся они на громадное расстояние и лишь кое-где прорезаны дорожками. На лугах и лужайках множество деревьев самых разнообразных пород, их пересадили сюда со всего света: громадные кедры ливанские и сладкие каштаны растут рядом с северными пихтами. Деревья из Австралии и островов Океании образуют живописные группы с растениями всех частей света. Те, которые не выдерживают здешних туманов, ютятся в теплицах, и каких теплицах! Это настоящие дворцы из железа и стекла. Многие из растений цветут яркими цветами. Пройдешься по этим оранжереям и почувствуешь всю силу и великолепие природы в бесконечном разнообразии ее форм. Вся эта растительность и пруды населены разными породами птиц, опять-таки свезенных сюда со всех концов света и блуждающих *на воле* по воде и газонам. Тут были и

¹ Союзах, объединениях (нем.).

² Сады Кью (англ.).

черные лебеди, все это, как в сказке. Я три часа бродил среди всей этой массы живых, полудошевленных, полуразумных, как очарованный. Громадное стечение публики не мешало моему общению с природой, которая стала еще прекрасней, когда наконец рассеялась мгла и солнце ярко осветило всю эту картину. Я вернулся после этой прогулки, как после хорошего концерта, и действительно в течение трех часов я воспринимал гармонию красок, чувствуя за нею или в ней то дыхание жизни, соприкосновение с которым придает нам всегда большую силу и бодрость духа. Написав эти строки, я только что понял, почему мне так было радостно на душе, когда я возвратился с этой прогулки.

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 56–57 об.

№ 21

Лондон, июнь 1898 г.

Завтра я надеюсь закончить осмотр Британского музея, который отнял у меня так много времени частью потому, что я начал занятия в рукописном отделении, где нашел кое-что для себя интересное и что берет несколько часов в день, частью и потому, что музей громадный и быстро освоиться с ним очень трудно и утомительно. В 53-х залах его скопилось множество сокровищ, характеризующих пять последовательных наслоений в истории развития человеческой культуры. В настоящем случае под «наслоениями» я разумею те периоды этой культуры, каждый из которых иллюстрирован в музее *более или менее* однородными по месту и времени вещественными памятниками цивилизации.

Вслед за первобытной культурой идет древнейшая, далее древняя, классическая, еще позднее, конечно, поставить средневековые и, наконец, Новое время. Эти хронологические термины имеют в сущности условное значение, но трудно заменить их другими, более подходящими. Последние два периода, к сожалению, очень плохо иллюстрированы, м<ожет> б<ыть>, потому, что в дан-

ном случае, вероятно, большее значение имеет Kensington¹ и «National Gallery».²

Общие выводы, которые можно сделать при осмотре всех этих сокровищ, сами бросаются в глаза. Прежде всего нельзя не заметить, что предметы первобытной культуры *почти всюду одни и те же*. Но уже в древнейший период *разнообразие форм* увеличивается и растет по мере развития. Далее, *постепенность и медленность* этого развития также обращает на себя внимание даже поверхностного наблюдателя. Шаг за шагом двигалось вперед человечество, нередко даже отступая назад, для того чтобы новым путем идти дальше. Весьма вероятно при этом, что более *простые формы культуры развивались быстрее более сложных*. Впрочем, и в развитии простейших форм можно заметить прогресс, что *способы* достижения *этих* форм постепенно совершенствовались. То же обобщение, конечно, с еще бóльшим правом можно отнести к истории сложнейших форм вещественной культуры.

Эта медленность и относительность верны не только на протяжении развития всего человечества, но, может быть, еще ярче выступает *в истории отдельных народов, и, чем дальше ушел народ, тем сильнее обнаруживается этот закон*.

Наконец, можно сделать еще один вывод касательно развития: *периоды его постепенно сокращаются во времени*.³

Все эти обобщения мне были известны, конечно, и раньше. Но они ярче выступают, когда сразу обзриваешь развитие человечества в таком музее, как Британский...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 57 об.–59 об. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 393–394.

¹ Кенсингтон (*англ.*), о южной части Кенсингтона в Лондоне, которая после проведения здесь Великой выставки промышленных работ всех народов в 1851 г. была превращена в музейный городок.

² Национальная галерея (*англ.*).

³ Как отмечают В.П. Корзун, М.А. Мамонтова и В.Г. Рыженко в статье «Путешествия русских историков конца XIX – начала XX в. как культурная традиция», данные размышления были положены Лаппо-Данилевским в основу курса «О теории развития: прогресс и регресс» и одноименной неопубликованной работы (Мир историка. XX век. М., 2002. С. 106).

Лондон, июнь 1898 г.

Хотелось бы написать еще несколько слов о том, что я видел в Британском музее по части древнегреческой скульптуры. Одна из галерей его занята исключительно Парфенонскими мраморами.¹ Это лучшие произведения греческого гения. Фигуры замечательны по жизненности изображения и поз, тело так и просвечивает сквозь складки платья, которое точно развеивается по ветру, а люди и животные двигаются вдоль фриза и на фронтонах. Все трактовано в простом строгом и величавом стиле, сила изваяний, с таким мастерством сгруппированных Фидием, в них самих. Художник как бы ясно понимал, что его творения не нуждаются в наружных украшениях и ложных приемах позднейшего размашистого стиля, для того, чтобы произвести глубокое впечатление на зрителя.² Вот почему мраморы Фидия, еще не утратившие оттенка архаичности, скорее, в духе композиции, чем в ее формах, достигших полного совершенства в технике и все еще далекие от несколько тривиального стиля периода упадка, кажутся нам *величественными* даже в настоящее время, несмотря на то, что условия, в которых они представляются современному наблюдателю, далеко не благоприятствуют полноте и цельности впечатления, да и самый наблюдатель не может, конечно, воссоздать в себе того настроения, в котором любовался ими древний грек. Ведь эти мраморы изваяны были для другого южного климата, яркого солнца, резко падающих теней, для прозрачного воздуха и для той обстановки южной природы, которой быть не может в полутемной галерее Британского музея, на застекленный потолок которого вечно льет дождь. Кроме того,

¹ О так называемых «Мраморах Элджина» (Elgin Marbles) – скульптурах и фрагментах, которые Томасу Брюсу, 7-му графу Элджину было разрешено снять с Парфенона и др. зданий греческого акрополя и вывезти в Англию в нач. XIX в.

² Ср. периодизацию древнегреческого искусства И.И. Винкельмана, выделявшего четыре стиля греческого ваяния: 1) древнейший (архаический), до Фидия; 2) высокий – у Фидия; 3) изящный – Пракситель, Лисипп, Апеллес; 4) подражательный – греко-римский: *Винкельман И.И. История искусства древности; Малые сочинения / изд. подгот. И.Е. Бабанов. СПб., 2000. С 157–181 (отдел третий «О возвышении и упадке греческого искусства») главы третьей).*

и той архитектурной рамы (колонн, триглифов и т. п.), в которую в свое время вставлены были изваяния Фидия, теперь также нет. Уже одно то, что они расположены внутри здания, а не снаружи, как было в действительности, и находятся на очень близком расстоянии от зрителя (а не в верхней части храма), портит впечатление. Далее все статуи без голов, рук, ног, а весь фриз застеклен и, конечно, очень теряет от этого. При таких условиях полноты впечатления от творения Фидия не получаешь. Не говоря о том, что зрителю в настоящее время чужды все эти боги и сцены и невольно поднимается чувство грусти при виде этого беспощадного разрушения, постигшего одно из самых великих творений человеческого гения. Вот почему, мне кажется, и я испытал менее сильное чувство при виде Парфенонских мраморов, чем ожидал, когда входил в знаменитую Elgin room.¹

Внизу кто-то играет и это мешает мне писать. Я невольно слушаю и пишу не всегда то, что следует...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 59 об.–61.

1902

№ 23

Рим, апрель 1902 г.

Пока пишу тебе только несколько слов утром, после позднего приезда сюда ночью из Флоренции, где я провел лишь неполный день. Путешествие было довольно тяжелое от жары, но окна с обеих сторон были открыты, и воздух в горах удивительной нежности, все деревья покрыты еще не потемневшей зеленью, кругом цветы и так много света. По дороге я получил первый итальянский обед, с ароматным миндалем, свежими вишнями и апельсинами. В Венеции остановка была только 20 минут, и поздно вечером я прибыл во Флоренцию. О своих впечатлениях напишу в следующий раз...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 68. Слева от текста по вертикали написано: «Командировка от Академии наук в итальянские архивы». Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 395.

¹ Зал Элджина (*англ.*); ср. примеч. 2 на с. 808.

В Рим Лаппо-Данилевский приехал из Кенигсберга; ход обследования рукописей в архиве Ватикана и неапольском Палаццо Реале был им подробно освещен в отчете о поездке, представленном Академии наук.¹

№ 24

Рим, апрель 1902 г.

Вот уже два дня, как я живу здесь. Пока Нелидов (наш посол)² не получит аудиенции у короля (по поводу доступа для занятий в Palazzo Reale³ в Неаполе), я могу оставаться в Риме и не знаю еще, когда мне можно будет заняться своим делом, так как хотя Нелидов обещал устроить его, но ведь он сам в зависимом положении.

Во Флоренции, к сожалению, дождь лил ливнем целый день. Пришлось отказаться от удовольствия еще раз увидеть флорентинские улицы при солнечном свете. Я решил воспользоваться десятичасовым своим пребыванием там для того, чтобы прежде всего и главным образом осмотреть церковь Santa Croce⁴ и Музей Святого Марка.⁵ В церкви есть знаменитые фрески Джотто, а в Музее не менее известные картины Fra Angelico,⁶ и оба они одни из лучших представителей раннего флорентийского возрождения. Один – друг Данте, другой – современник Саванаролы.

Церковь Santa Croce сама по себе хороша. Она еще очень простого и величественного стиля, кажется, близкого к готическому,

¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. // Известия Императорской академии наук. V сер. 1902. Т. XVII. № 4. С. 01–01V.

² Нелидов Александр Иванович (1835–1910) – русский посол в Италии в 1897–1903 гг.

³ Палаццо Реале (*итал.*); буквально: Королевский дворец – до 1861 г. главная резиденция монархов Королевства Обеих Сицилий из династии Бурбонов; затем до 1946 г. резиденция Савойской династии.

⁴ Санта-Кроче (*итал.*), базилика в центре Флоренции, построенная по проекту Арнольфо ди Камбио в 1294–1385 гг.

⁵ О Национальном Музее Святого Марка (Museo Nazionale di San Marco), расположенном в здании бывшего доминиканского монастыря.

⁶ Фра Анджелико (*итал.*); о Фра Беато Анджелико (Fra Beato Angelico, 1400–1455), художнике Раннего Возрождения, доминиканском монахе.

но без сводов наверху. Фрески Джотто произвели на меня сильное впечатление. В них еще чувствуется религиозное настроение, которое живопись позднейшего времени утратила, фигуры его торжественны и вместе с тем просты и хорошо подходят к церкви. Особенное впечатление произвела на меня картина, изображающая вознесение ап. Иоанна: с удивительной легкостью и непринужденностью движений в его фигуре соединяется глубоко верующее настроение. Иоанн представлен в то время, когда он поднимается над гробом и простирает руки к Христу, готовому принять его в свое лоно. С обеих сторон на земле ученики Иоанна. Слева они смотрят вниз и поражены видом пустого раскрытого гроба, справа они глядят вверх и благоговейно созерцают происходящее. В Музее Св. Марка также много интересного. Многие из фресок fra Angelico мне были известны по рисункам и не дали ничего особенно нового для понимания художника, но есть здесь им же написанное распятие, которое, мне кажется, представляет его в совершенно новом свете. Фигуры святых, стоящих вокруг Христа, все проникнуты глубокой скорбью, но в каждой из них (а их всего 20) эта скорбь выражена различно, начиная с скорбного экстаза Франциска Ассизского и кончая горестным страхом одного из ангелов.

Затем я успел только зайти в капеллу Медичи,¹ посидеть перед *L'aurora* и *il Creposcola*, *la Notte* и *il Giorno*² и, побродивши под дождем по улицам, отправился на вокзал...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 68–70. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 395–396.

№ 25

Рим, апр<ель> 1902 г.

Выполнение некоторых формальностей задерживает мою работу здесь, хотя возможность заниматься в Ватиканской библиоте-

¹ О часовне рода Медичи при флорентийской церкви Сан-Лоренцо; возведена Маттео Ниджетти по плану Джованни деи Медичи (строительство было начато в 1602 г.), где находится шесть саркофагов представителей рода.

² Об аллегорических скульптурных группах Микеланджело в Новой ризнице – «Заря и сумерки» и «День и ночь», являющихся надгробиями двух других Медичи: Лоренцо II (1492–1519) и Джулиано (1478–1516).

ке я уже получил и познакомился с заведующим ею. Пока много гуляю по улицам и закоулкам Рима. Нигде, конечно, нет такого удивительного смешения разных времен, нигде нельзя так легко погрузиться в совершенно иную эпоху. Вчера я отправился в Колизей и долго ходил и внутри, и вне его стен. В душу вкралось невольно какое-то особенно торжественное настроение. Подполья арены заросли ярко-зеленой травой, на которой резко выступают, точно капли крови, цветы мака и, странно, одного только мака. В одну из арок старого языческого колосса, пропитанного христианской кровью, я увидел триумфальную арку Константина, сооруженную в честь победы христианства над язычеством, а далее и еще выше на синем небе выделялась старинная христианская церковь. И таких видов очень много в вечном городе...

Сегодня я взобрался на Капитолий, откуда прекрасный вид на форум, долго смотрел на длинные ряды роскошных колонн, арок и храмов, среди которых шла дорога, ведущая в Колизей...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 70–71. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 397.

№ 26

Рим, апрель 1902 г.

В ожидании разрешения проникнуть в Неаполитанский дворец, я все еще работаю в Ватиканском архиве, который производит величественное впечатление. Правда, внешний вид его ничего особенного не представляет, но, когда убедишься в том, что тут хранятся рукописи с 163 года по 1900, что в залах архива накоплены сведения, притекавшие сюда в течение многих столетий из разных концов света, когда увидишь вокруг себя ученых всевозможных национальностей и услышишь разговоры на всех языках Европы, то невольно проникаешься уважением ко всему учреждению. В нем еще много средневекового, все должностные лица католические священники разных видов, званий и орденов. При прохождении через залу занятый кардинала сторожа хлопают в ладоши, и все встают.

Сегодня какая-то festa,¹ и архив закрыт. Я, может быть, соберусь на Палатин...

¹ Праздник (*итал.*).

№ 27

Рим, 29 апреля 1902 г.

Вчера утром лил дождь и, казалось, небо никогда не прояснится. Я хотел было предпринять поездку в Альбано, к горам и озерам древней Альбы (Alba Longa¹), родины римлян и самого Рима, но при виде хмурого неба отложил попечение об экскурсии и принял за работу. К часу, однако, небо стало проясняться, и я решил пройтись пешком по той самой Via Appia antica,² по которой мы ездили с тобою два года тому назад. Сначала я проехал на трамвае до San Giovanni in Laterano.³ По моему расчету тут можно было прямо попасть в поля и ими пройти на Via Appia. Так и оказалось. Я сразу вышел из города в Римскую Кампанию. С первых же шагов мне пахнуло древностью: старинные полуразвалившиеся церкви или монастыри стояли у дороги, которая вилась между высокими серыми стенами. Я скоро вышел на Via Appia и прошел далеко за надгробный памятник Caeciliae Metellae,⁴ туда, где мы с тобою не были. Если дорога до него полна воспоминаниями о ранней поре христианства, о Петре и легенде Quo Vadis,⁵ о жителях катакомб,

¹ Альба-Лонга (*лат.*) – древний город в Лации в 20 км к юго-востоку от Рима, на западном берегу озера Альбано. Расположен на скалистом гребне Альбанских гор. Считается, что ныне на его месте расположен дворец Кастель-Гандольфо, летняя папская резиденция. По преданию Альба-Лонга была основана Асканием, сыном Энея, в 1152 г. до н. э.

² Древняя Аппиева дорога (*лат.*); самая важная из общественных дорог Рима, строительство которой было начато в 312 г. до н. э. при цензоре Аппии Клавдии Слепом.

³ Сан-Джованни-ин-Латерано (*итал.*); о Соборе Св. Иоанна Крестителя на Латеранском холме в Риме.

⁴ Цецилии Метеллы (*лат.*); о возведенной ок. 50 г. до н. э. монументальной гробнице дочери консула Квинта Цецилия Метелла Кретика (Quintus Caecilius Metellus Creticus) на третьем километре Аппиевой дороги.

⁵ Об апокрифическом сказании, согласно которому апостолу Петру, шедшему из Рима, привиделся Христос, к которому он обратился с вопросом: «Domine, quo vadis?» («Господи, куда идешь?»); старосла-

о христианской крови и слезах, которые, вероятно, омочили каждый из старинных камней, лежащих на пути, то после величавой башни Цецилии, одиноко и резко выступающей на темно-синем небе, впечатления меняются. Дорога идет между двумя рядами гробниц языческого римского времени. Большинство из них, совершенно разрушено, и пепел мертвецов давно рассеян ветром по пустыне и диким полям Кампании, но часто еще встречались мне и полусохранившиеся кирпичные здания, в виде маленьких четырехугольных домиков, в прежнее время обложенных мрамором и украшенных статуями и рельефами, множество обломков их разбросано кругом. В домиках кое-где еще видны своды и своеобразные ниши, а в одном из них я заметил даже засохшую известку, которою замурованы были урны. Есть и рельефы умерших: на одном из них изображен статный римлянин по пояс, с надписью: G. Rabirius Hermodorus,¹ за ним две женщины с благородно задумчивыми лицами – все из хорошего белого мрамора. А кругом дороги с ее полуразрушенными гробницами – совершенная пустыня, но пустыня, населенная могучими призраками прошлого: всюду виднеются громадные, полуобвалившиеся акведуки, которые длинными рядами арок тянутся по долине, кое-где между ними встают искалеченные дворцы, храмы и виллы. Только стада овец с пастухами, одетыми в овечьи же кожи, изредка прерывают величавое молчание навеки погибшего прошлого. Постоянная игра света и теней в этот день еще усиливала мои впечатления. По небу носились тучи, и тени их скользили по развалинам. Казалось, что они сами готовы дрогнуть от ужаса при виде своего запустения... К вечеру поднялся ветер, он стал шелестеть травой и сгонять тучи к Апеннинам и Альбанским горам, совсем посиневшим. Мне как-то сделалось жутко. Не отдохнув, я скорым шагом пошел назад, точно зашел, куда не следует, где должна быть вечная тишина и покой... На сегодня довольно. Такие впечатления, вероятно, надолго останутся в душе...

вянский вариант: «Камо грядеши, Господи?»). После того, как Христос ответил ему, что идет в Рим на второе распятие, Петр вернулся в Рим и принял мученическую смерть.

¹ Гражданин Рабирий Гермодор (*лат.*), о рельефе на гробнице Рабириев, изображающем Гая Рабирия Гермодора и его жену, на Аппиевой дороге.

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 72–73. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 398–399.

При воспроизведении текста этого письма в основу положено описание в очерке Гревса с добавлением двух личных пассажей и двух заключительных фраз, содержащихся у Е.Д. Лаппо-Данилевской: *Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души)* // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 76–77. Отсюда же почерпнута точная дата письма; разночтения с текстом Е.Д. Лаппо-Данилевской приведены в предисловии к публикации.

№ 28

Неаполь, апр<ель> 1902 г.

Вот я и добрался до предела своего путешествия. Дорога из Рима в Неаполь, горы и красующиеся на них города, развалины церквей и замков очень живописны. Сегодня утром я вышел на набережную, совсем лето, блистающее темно-синее море и вдали Везувий, со множеством белеющих домиков у его подошвы. Воздух чудный вблизи *Villa Nazionale*¹ с ее лавровыми деревьями и пальмами. Понапрасну побывав в *Palazzo Reale* я провел все утро на море. После обеда снова зашел в *Palazzo Reale* и, наконец, получил нужную рукопись.² Хотя ничего нового в ней, по-видимому, нет, но она дает много такого, чего не может дать копия, и, как я теперь вижу, с ней следовало познакомиться...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 73–74. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 399.

№ 29

Неаполь, май 1902 г.

Вчера я попал в оперу, хотя и неважную – «*Manon*» *Massenet*,³ но все же я давно не слышал никакой музыки, да и на итальянцев было интересно посмотреть. Голоса у певцов удивительно хорошие. У нас при таком теноре, какого я слышал вчера, нельзя было бы достать билета, а тут театр наполовину пустой, да и присутст-

¹ Вилла Национале (*итал.*) или Вилла Комунале (*Villa Comunale*) – один из наиболее обширных парков Неаполя.

² О рукописи «*Varia spectantia ad Moscoviam*».

³ «Манон» Массне (*фр.*).

вующая публика, хотя и увлекается отдельными ариями и нотами, но не слушает всего внимательно: приходят с газетами, говорят громко друг с другом и т. д. Притом начало в 9 часов вечера, а конец в 1 час ночи, так что я ушел после третьего акта и вынес не глубокое, а только приятное впечатление от хорошего исполнения довольно поверхностной музыки. Сегодня воскресенье, единственный свободный у меня день, я провел не совсем удачно, так как заранее не успел ничего обдумать. Зашел в Национальный музей,¹ затем отправился в Помпею. Пытался пройти пешком в Sorrento,² но не удачно: было еще слишком жарко и по дороге глубокая пыль. Так что уже в 6 часов вечера вернулся обратно в Неаполь. Завтра надо снова приниматься за работу, от которой у меня остается мало свободного времени: от 12 до 2-х на завтрак и езду туда и обратно и после 6 часов вечера. Еще не могу сказать наверное, сколько времени я здесь пробуду...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 73 об.–74. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 399–400.

№ 30

Неаполь, май 1902 г.

Работа моя продвигается довольно успешно, благодаря моему помощнику. Но сегодня была mezzafesta – полупраздник, и signor direttore³ заявил, что в 4 часа basta.⁴ Пришлось уйти, чему я даже был рад, так как работа моя убийственно скучная, и я чувствовал, что засыпаю. Я воспользовался свободным временем, чтобы сделать прекрасную прогулку с видом на весь Неаполитанский залив, на Капри и на южное море. Устал, и потому пишу сегодня только несколько слов. В сущности дни мои проходят здесь очень однообразно. Почти все время провожу за разбором рукописи в одной из комнат дворца, куда почти никто не заглядывает, сидишь, как у себя дома. Жаль только, что нет никакого вида из окна, так как оно проделано где-то вверху. Жаль и то, что signor direttore, по

¹ О Национальном археологическом музее Неаполя (Museo Archeologico Nazionale di Napoli).

² Сорренто (*итал.*).

³ Синьор директор (*итал.*).

⁴ Конец работы (*итал.*).

примеру всех итальянцев, немилосердно кричит на всю «casa»,¹ раскаты его голоса ежеминутно раздаются за дверью. Впрочем, я к ним привык, как привыкаешь к грохоту трамвая под окном. Почти всю дорогу в Palazzo Reale я могу пройти набережной, это мое главное удовольствие. Почти наверное кончу на этой неделе и выеду на Цюрих, Мюнхен, Галле, Берлин и Кенигсберг...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 74–75. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 399–400.

1905

№ 31

Флоренция, июнь 1905 г.

Сегодня, в воскресенье, у меня много свободного времени, и я мог бы воспользоваться им для того, чтобы немного привести в порядок свои впечатления и поделиться ими с тобой, но вполне подходящего настроения для этого нет: такие тяжелые, тревожные слухи о том, что делается у нас в России мало располагают к спокойному созерцанию окружающего, а тем более к его изучению, да и сил и времени на это мало. Так как, однако, мне хочется писать тебе, то буду писать, что в голову придет и что припоминается из новых впечатлений в Италии...

В Верону попал я довольно случайно, вследствие ошибки в печатном «Ogagio»² (ведь это не Германия, с ее точными сведениями в путевых указателях). Убедившись в этой ошибке, я за две-три минуты до отхода поезда выскочил из вагона со своим легким багажом и отправился по конке в незнакомый мне город. Конка привела меня прямо на базар, самое живописное место в Вероне, но и самое шумное, а кругом старинные узкие, извилистые улицы, со множеством переулков и закоулков. Очень усталый от дороги, я, признаюсь, несколько запутался во всех этих ходах, переходах и выходах, но через полчаса все-таки разыскал рекомендованный

¹ Здание (*итал.*).

² Расписание движения поездов (*итал.*).

отель и не пожалел о том, что остался на несколько часов в бывшей временной резиденции Теодориха Великого.¹

В Вероне есть несколько замечательных памятников. При первом взгляде на них переносишься то в римскую колонию, одну из самых цветущих в сев<ерной> Италии, то в средневековую романскую культуру, то в позднее Возрождение.

На окраинах того полуострова, который омывается рекой Адидже, до сих пор стоит громадный амфитеатр, сложенный из обтесанных кусков дикого камня. Правда, два этажа его не сохранились, но и двух оставшихся достаточно, чтобы дать наглядное представление о римском амфитеатре: внутри почти все в целости.

Я бродил по его коридорам и, заглядывая в отдельные камеры, увидел в одной из них груды, очевидно, тут же раскопанных костей, и костей человеческих!

Из амфитеатра я скоро попал в совсем другой мир, в храм Св<ятого> Зенона,² покровителя Вероны. И, надо правду сказать, Верона сумела отдать должное своему патрону. Мне до сих пор не приходилось видеть более простого и благородного в своей простоте памятника романского искусства XII–XIII века. Замечательной гармонией линий и тонов веет от этой базилики с ее стройным *campanile*.³ она не обложена цветными, мраморными плитами, поперечные линии которых так резко нарушают стройность архитектурных форм, они выступают еще лучше, благодаря почти полному отсутствию всяких статуй и декоративных побрякушек или расцвеченных алтарей, которыми так любят щеголять католические церкви. Почти суровая простота смягчается в них гармоничностью пропорций и мягкостью романских сводов. А у самой церкви Св<ятого> Зенона есть еще дворик с колоннадой, оставшейся от монастыря того же времени и построенной в том же чисто романском стиле. Из-под колоннады с маленькими романскими арочками, через запустевший и заросший травой четырехугольный двор можно видеть, как на ярко-синем небе вырисовывается и цер-

¹ Теодорих Великий (около 451–526) – король остготов, завоеватель Апеннинского полуострова, Сицилии и Далмации.

² О романской базилике Сан-Дзено Маджоре (San Zeno Maggiore), возведенной над местом захоронения первого веронского епископа Зенона Веронийского в XI–XII вв.

³ Звонница (*итал.*).

ковь Св<ятого> Зенона и ее стройный *campanile*. И все это вместе производит замечательно цельное и глубокое впечатление.

Есть еще много интересного в Вероне, но пришлось все это оставить в стороне, также и *Sepolcro di Giulietta*¹ в одном садике.

Вот тебе несколько лучших моих впечатлений от Вероны. Остальное до следующего раза, я и так уж очень расписался...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 75 об.–77 об. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 401–402.

О летнем путешествии Лаппо-Данилевский писал М.А. Дьяконову 12 сентября 1905 г. из Петербурга: «Лето мы провели в Тироли, в хороших условиях и для отдыха, и для работы. Кое-что удалось сделать: подготовить курс или занятия по теории причинно-следственности в применении к слу<чайным> явлениям, навести в Флорентийской *Biblioteca Nazionale* целый ряд давно нужных справок для статьи по галичской сфрагистике,² написать исследование-отзыв о либеральных началах рус<ской> торговой политики XVIII в. (по поводу книги Фирсова)³ и немножко дальше двинуть свою работу по истории правосознания или лучше теоретических основ рус<ского> правосознания в XVIII в.⁴

По временам мы делали экскурсии в горы, до которых я большой охотник» (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 158 об.).

¹ Гробница Джульетты (*итал.*), легендарный саркофаг XIII–XIV вв. в крипте бывшего монастыря капуцинов в Вероне.

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав – Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 211–311. (отд. изд.: СПб., 1906).

³ *Лаппо-Данилевский А.С.* Отзыв о сочинении Н.Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II» // Записки Имп. академии наук по Ист.-филол. Отделению. СПб., 1906. Т. VIII. № 2. С. 5–38. (Отчет о сорок седьмом присуждении наград гр. Уварова; отд. изд.: СПб., 1906).

⁴ Об одной из глав второй части монографии Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII веке в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» (не опубликовано; ср. содержание: Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С. 44–45).

№ 32

Флоренция, июнь 1905 г.

Посылаю тебе открытки ежедневно... С 10 до 4-х часов занимался в Biblioteca Nazionale,¹ где мои дела идут порядочно. Благодаря этой работе, я теперь уже несколько познакомился с итальянской и фландрской сфрагистикой, что мне как раз недоставало. Сегодня нашел здесь по сфрагистике Фландрии книгу, которой нет в Берлинской библиотеке. После обеда провел два часа в Bargello,² где осмотрел большую половину богатой коллекции печатей, а сейчас думаю бежать из душного города на Miniato,³ где, вероятно, останусь до вечера...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 77 об.–78. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 402 (объединено со следующим письмом).

№ 33

Флоренция, июнь 1905 г.

Сегодня какой-то национально-религиозный праздник и все учреждения закрыты. Я воспользуюсь этим временем, чтобы написать тебе письмо подлиннее. После десятидневного пребывания здесь у меня накопилось несколько впечатлений, только они уличные, а не музейные, потому что время, когда открыта библиотека, открыты и музеи или галереи, и, просидев это время за библиотечным столом, мне не оставалось ничего лучшего, как ходить по улицам, разезжать по окрестностям, любоваться видами и присматриваться к людям. Природа здесь чудная: задавленная массой камня в самом городе, она в полном блеске разворачивается за его стенами. Теперь здесь почти одуряющий аромат от множества великолепных лип в полном цвету. Платаны, мирты и лавры, кипарисы и магнолии растут на свободе. Вечером игра света и тени среди этой листвы на фоне совсем голубых гор или редкие и строгие облики потемневших кипарисов на далеком небосклоне производят ча-

¹ Национальная библиотека (*итал.*).

² Барджелло (*итал.*) – старейшее общественное здание Флоренции; построено между 1255 и 1261 гг.; с 1859 г. музей скульптуры.

³ Миниато (*итал.*), о холме, на котором находится базилика Сан Миниато аль Монте во Флоренции.

рующее впечатление. Воздух нежный и теплый, и в полночь и под утро также ровно и мягко дышит природа.

В таком климате, вероятно, должен складываться и соответствующий тип населения: оно столь же полно неги, как и окружающая его природа. Отсюда и преобладающую характерную черту его, как мне кажется, можно свести к жизнерадостному эвдемонизму. Здесь легко несколько понять ту особенность национального типа, которая, вероятно, еще резче когда-то обнаруживалась в Греции. И здесь, подобно античной и классической родине эвдемонических систем морали, в основе человеческих настроений, пожалуй, прежде всего, лежат эвдемонические оценки: люди хотят жить, главным образом, в свое удовольствие. Им незачем заботиться о чистоте, опрятности, порядке – все это довольно скучный труд, которого природа не требует от них, им приятно *dolce far niente*,¹ и даже в тех случаях, когда удовольствие противоречит пользе, они готовы пренебречь ею. Замечательно здесь отсутствие практичности: многое остается как-то недоделанным или сделано для удовольствия. В этом отношении характерны, например, общественные сады и театры. Не говоря об отсутствии таких садов в самой Флоренции, и загородные сады пригодны больше для того, чтобы проехаться по ним в экипаже, чем для пешеходных прогулок, их нельзя назвать красивыми. Театр же, в котором я слушал «Rigoletto»,² производит прямо курьезное впечатление: он очень похож и снаружи и внутри на огромную конюшню, но конюшню, изнутри обложенную мраморными досками и разукрашенную мраморными колоннами. Декорации никуда не годные: сцена бури, во время которой при свете «молнии» видно снятое полотно с кое-как намалеванным ландшафтом, производит просто комическое впечатление. Голоса отличные у солистов, а хоры небрежные, в одном месте даже просто спутались в такте. Публика также характерна: ей нужно удовольствие во что бы то ни стало. Если артист не повторит арии, которая ей понравилась, раздастся оглушительный свист и шум, но артист, выдержавший эту бурю, через минуту новой арией вызывает новые восторги и, очевидно, уже привык к таким переменам.

¹ Сладостное безделье (*итал.*).

² «Риголетто» (*итал.*); опера Джузеппе Верди (1850–1851).

Эвдемонизм флорентинцев значительно смягчается, конечно, искусством, т. е. той областью духовной деятельности, в которой гедонизм легко может получить более высокое выражение. Замечательно, что музыка, которая, кажется, всего дальше от чистого гедонизма из всех искусств, всего меньше представлена во Флоренции.

Даже в церковной музыке, которая так западает в душу в Кельнском соборе, чувствуется какое-то чуждое ей настроение, по крайней мере, за то время, что я здесь, меня несколько раз тянуло в церковь, но, побывав и на торжественном богослужении, я уходил разочарованным. Для настоящей музыки у итальянцев точно не хватает внутреннего содержания и глубины чувства, без которых музыка становится своего рода удовольствием, а не искусством.

Можно сказать, пожалуй, что во Флоренции же «процвели» и Микель-Анджело, и Леонардо да Винчи, и одно время Рафаэль. Да, но это, кажется, нисколько не противоречит моей теории. Во Флоренции жил и Саванарола, но такие люди должны были возникать в виде исключений именно в той среде, против которой нужно было протестовать. Что же касается до корифеев искусства, то прежде всего то, что я писал выше, относится к обыкновенному типу населения, а не к исключительным личностям, а затем, может быть, на такой именно почве легче, чем на другой, вырастали и те гиганты искусства, из-за которых не видно остальных. Вот те мысли, которые занимали меня во время моих прогулок за последние дни. Правильны ли они, не знаю. Многое другое мне также приходило в голову при наблюдении демократических нравов населения, но сейчас поздно и хочется на воздух...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 78–81. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 402–404 (объединено с предыдущим письмом).

1909

№ 34

Женева, июль 1909 г.

Так жаль, что мы не вместе. После всей этой процедуры можно было бы хорошо проездиться, и мне завидно смотреть на тех делегатов, которые приехали сюда не одни.

Прибыли мы в Женеву с Ч<ернышевым>¹ вчера вечером. Я уговорил его прервать путешествие в Страсбурге на два часа, чтобы посмотреть собор. Мне было хорошо, но с чужим человеком все же не совсем. С нами еще ехал П<ергамент>.² Признаюсь, я жалею, что взялся за это дело, не стоило. Пока одно только дело сделал: в Берлине закупил у букиниста несколько книг. Здесь, думаю, все время можно будет играть роль статиста и тем и ограничиться, но это скучно. А вась, после этих ненастных дней погода установится, и можно будет постранствовать, пока же дождь льет, как из ведра. Сейчас надо одеваться и идти на presentation и прочую белиберду.

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 81 об.–82. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 405.

№ 35

Женева, июль 1909 г.

Вчера вечером я взялся произнести маленькую речь на сегодняшнем открытии торжества, и потому вечер и значительная часть ночи были испорчены. В числе здешних депутатов от России никого подходящего для этого дела не нашлось, и университеты помирились на том, что говорить будет академик. П<ергамент> очень настаивал на том, чтобы я взялся, и после больших колебаний я все же решился, только сочинять было трудно и страшновато. Вечером же еще пришлось обедать с компанией других делегатов, что продолжилось до 10 часов, а потом снова принялся за подбор фраз.

Сегодня утром я показывал свою речь П<ергаменту>, который вполне ее одобрил, и здешнему профессору-французу, который взялся просмотреть ее и ничего в ней не исправил. Трудно было много, а толку мало: страны вызывались в алфавитном порядке, и ввиду того что делегатов было около 500 (много американцев, англичан, французов), наша очередь дошла нескоро, и все устали.

¹ Чернышев Феодосий Николаевич (1856–1914) – русский геолог и палеонтолог.

² Пергамент Михаил Яковлевич (1866–1932) – юрист, правовед. Его письма к А.С. Лаппо-Данилевскому 1909–1915 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 60.

Впрочем, мои коллеги остались довольны мной, и после торжества некоторые иностранцы выражали мне сочувствие.

Погода просто отвратительная, как нарочно...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 82–83. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 405.

№ 36

Женева, июль 1909 г.

Торжественная сумятица приходит к концу. Сегодня было последнее парадное заседание. Не знаю, останусь ли я в Швейцарии дольше субботы. Погода все время отвратительная, и не могу тебе сейчас сказать ничего определенного. Сейчас выглянуло солнце, а я не поехал на garden party¹ из-за дождя, и скучно. Если будет продолжаться такая погода, я, кажется, решусь, не заезжая в горы, где теперь плохо, вернуться через Сев<ерную> Италию и Brenner² на Мюнхен в Берлин, что возьмет еще несколько дней.

Сейчас не могу больше не писать, П<ергамент> ждет меня, чтобы идти на студенческое собрание.

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 83. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 406.

№ 37

Trafoi³ (Тироль), июль 1909 г.

В Женеве стало так скучно и нудно, а погода так мало благоприятствовала какой-либо прогулке в горы, что я после некоторых колебаний решил вернуться через Тироль на Мюнхен. В Милане я хорошо провел день. Как только поезд вышел из туннеля, вместо сырости и холода, повеяло теплом. Я никогда не думал, что горный хребет может служить такой резкой климатической границей. Чу-

¹ Прием в саду (*англ.*).

² Бреннер (*нем.*), о перевале между Тиродем и Южным Тиродем (в настоящее время здесь проходит граница между Италией и Австрией).

³ Трафой (*итал.*).

десно провел несколько часов в S. Ambrogio¹ и Sta Maria delle Grazie.² Обе церкви хорошо дополняют друг друга. Побывал и в соборе (но музыки не слышал), и в картинной галерее, и в Castello³ XV века. Остановка здесь (Trafoi) останется в памяти чудными впечатлениями. Долина глубокая и дикая, но не слишком замкнутая, хотя и окаймлена высокими горами, а с обоих концов высятся глетчеры. Завтра выезжаю обратно на Мюнхен...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 83–84. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 406.

1910

№ 38

Рим, апрель 1910 г.

Пишу несколько слов перед первым заседанием. В Анконе, по переезде на вокзал, я успел выбежать на окружающие холмы и полюбоваться видом, а по возвращении на вокзал получил замечание от своих спутников-коллег, зачем их не подождал. Здесь, конечно, суэта большая. Заседания ассоциации растянуты на целую неделю, причем происходят только утром, а днем делать нечего, и все-таки связан. При этом погода плохая, и приходится сидеть в отеле в общей гостиной с нашей компанией. Из иностранцев, примкнувших к ней, мне симпатичен венский профессор Ш<рёдер>⁴ – старый идеалист. С ним приятно беседовать, так как он интересуется философией.

Завтра нас принимает король, а вечером идем в оперу...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 84–85 об. Слева от текста по вертикали написано: «Командировка от Академии наук на съезд международной Ассоциации академий в Италии». Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 406–407.

¹ Сант-Амброджо (*итал.*), базилика в Милане, построенная в 1080–1128 гг. на месте захоронения раннехристианских мучеников.

² Санта-Мария-делле-Грацие (*итал.*) – главная церковь доминиканского монастыря в западной части Милана; в трапезной храма находится «Тайная вечеря» (1495–1498) Леонардо да Винчи.

³ Замок (*итал.*).

⁴ Шрёдер Леопольд фон (Schroeder, Leopold von (1851–1920) – индолог, с 1899 г. профессор Венского университета.

Подробный обзор поездки см.: Отчет академиков О.А. Баклунда, К.Г. Залемана, Ф.Н. Чернышева и А.С. Лаппо-Данилевского о командировке на общее собрание Международного союза академий, состоявшееся в Риме весной 1910 г. // Протоколы заседаний Общего собрания Имп. академии наук. СПб., 1910 (прил. к протоколу заседания 6 нояб. 1910 г.; без паг.).

О своем возвращении 9 мая 1910 г. из этой поездки в Петербург Лаппо-Данилевский сообщил М.А. Дьяконову в недатированном письме о планировавшемся заседании Исторического общества (РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 139).

№ 39

Рим, апрель 1910 г.

Вчера я провел почти весь день на воздухе за городом, но с компанией нашей очень трудно что-нибудь устроить. К утреннему поезду опоздали, должны были ждать следующего, причем, это время прошло небезынтересно в Музее Диоклетиановских терм и в Sta Maria degli Angeli.¹ Во время остававшихся еще 50 минут я предложил своим спутникам поесть, чтобы не задерживаться по приезде в Castel Gandolfo.² Там я сейчас же потащил их наверх. Места удивительно красивые – озеро в потухшем кратере, окаймленное лесами и городками на высотах. Вскоре, однако, некоторые стали отставать, и мы с Чернышевым³ отпустили их обратно, а сами пошли дальше.

Я хотел дойти до еще более красивого озера Nemi³ и обогнуть его на Genzano,⁴ что мы и сделали. Места оказались малозаселенными и очень красивыми, а озеро, при вечернем освещении, – обворожительным. В Nemi мы наелись земляники и едва успели к поезду в Рим. Прогулка оказалась очень удачной. Вечером был прием в Капитолии, на который я, с разрешения моего командира Залемана,⁵ не пошел. Кроме толкотни и протискивания сквозь кучу незнакомых людей и некоторой потерянности и скуки, я на таких со-

¹ Санта-Мария-дельи-Анджели (*итал.*), о базилике Санта-Мария-дельи-Анджели-э-деи-Мартири (Santa Maria degli Angeli e dei Martiri) в Риме.

² Кастель-Гандольфо (*итал.*), итальянский город в области Лацио.

³ Неми (*итал.*).

⁴ Дженцано (*итал.*), о городе Дженцано-ди-Рома.

⁵ Залеман Карл Германович (1849–1916) – русский филолог-иранист, директор Азиатского музея Академии наук с 1890 г.

браниях ничего не испытываю. Сейчас надо снова идти на общее собрание, которое, вероятно, закончится к 12 часам, а там снова можно будет бегать по Риму, только не одному, что иногда очень стесняет...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 84 об.–85. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 407 (объединено со следующим письмом в одно).

№ 40

Рим, апрель 1910 г.

Сегодня последний день моего пребывания в Риме. Пишу тебе по возвращении из экскурсии конгрессистов в Остию. День прошел довольно интересно, хотя все же трудно с чужими людьми.

Мы едем с Ч<ернышевым> через Перуджию и Сиену во Флоренцию...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 85–85 об. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 407 (объединено с предыдущим письмом в одно).

№ 41

Равенна, май 1910 г.

Пишу тебе в последний раз. Завтра выезжаем на Вену. Здесь я один провел хороший день среди памятников христианского искусства V–VI века. Таких мозаик я еще никогда не видал. В главном из зданий – баптистерии – я просидел около часа, а так как был уже час закрытия, я просил сторожа запереть меня на некоторое время, что он и сделал...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 85 об. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 408.

№ 42

Берлин, октябрь 1910 г.

Приехал сюда с Г<риммом> в 6 ч. утра. День прошел в беготне за справками, официальными визитами и т. д. Я заехал также к профессору Ш.,¹ пили чай с его Frau Gemahlin¹ и беседовали

¹ Неясно, о ком идет речь.

с ним о научных вопросах. Вечером едва поспел в оперу, куда отправился с Г<риммом>. К сожалению, давали пустяки – «Севильского цирюльника»,² но исполнение, особенно хоров, все же хорошо, и мне было интересно сравнить это произведение в немецком и итальянском исполнении: у итальянцев отдельные голоса лучше, больше непринужденности и грации, у немцев больше выучки и хоры гораздо лучше. Завтра также предстоит несколько посещений, а, может быть, удастся попасть на репетицию первого симфонического концерта Никиша.³

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 86. Слева от текста по вертикали написано: «Командировка от Академии наук на юбилей Берлинского университета». Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 408.

№ 43

Берлин, октябрь 1910 г.

Пишу только два слова, очень тороплюсь. Боюсь, что все же придется говорить какие-нибудь речи, и это портит настроение. Кроме торжественного открытия празднеств, ведь еще есть Festmahl,⁴ на котором говорят. Из России почти никого нет, и боюсь, что Г<римм> уклонится. Вчера был на концерте Никиша и наслаждался. Был также за городом у Майера, который интересуется вопросами методологии...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 86 об. Впервые опубли.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 408.

№ 44

Берлин, окт<ябрь> 1910 г.

Пишу опять только карточку из-за спешки. Благодаря немецкому распределению, в силу которого все иностранные академии

¹ Госпожа супруга (нем.).

² Опера Джоаккино Россини (1816).

³ Никиш Артур (1855–1922) – выдающийся венгерский дирижер; неоднократно вставал за пульт Лондонского филармонического оркестра после его создания в 1904 г. В 1912–1914 гг. его главный дирижер.

⁴ Банкет, званый обед (нем.).

должны были образовать одну группу, от лица которой несколько слов сказал президент председательствующей академии – итальянской, мне говорить не пришлось, и я даже оказался таким образом не с русской группой, за которую говорил Г<римм>.¹ Вчера видел много ученых, и с несколькими были интересные разговоры.

Сейчас надо ехать на Gartenfest,² и двигаться скуку...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 86 об–87. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 409.

№ 45

Берлин, окт<ябрь> 1910 г.

Сегодня последний день празднеств. Еще предстоит обед с русскими делегатами, в том числе и здешний профессор, известный статистик из русских поляков Б<орткевич>.³ Вечером обед во дворце, что очень утомительно. Завтра думаю уехать в Дрезден и, вернувшись сюда ненадолго, отправиться в обратный путь. Если бы не мысль, что необходимо немного отдохнуть и что в Петербурге этого не достигнешь, я, конечно, завтра выехал бы прямо на Эйдкунен. В Дрездене побываю в галерее, и как раз два концерта духовной музыки: Бах и месса, что очень хотелось бы послушать...

Печ. по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 87–87 об. Впервые опубл.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 409.

1913

№ 46

Амстердам, март 1913 г.

Пишу тебе из Сев. Венеции – Амстердама, куда приехал вчера в 12 час. ночи. Город стоит посмотреть, да и картинная галерея

¹ Гримм Давид Давидович (1864–1941) – правовед, ректор Санкт-Петербургского университета в 1910–1911 гг.

² Празднество в саду (нем.).

³ Борткевич Владислав Иосифович (Bortkiewicz Władysław; 1868–1931) – экономист и статистик.

очень интересна, там я хорошо провел утро. Сегодня в 9 час. вечера уезжаю на Hock van Holland¹...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 89 об.–90. Слева от текста по вертикали Е.Д. Лаппо-Данилевской написано: «Командировка от Академии наук в Лондон на съезд Международной ассоциации академий». В действительности Лаппо-Данилевский был командирован на четвертый Международный конгресс историков, который состоялся в Лондоне 3–9 (нов. ст.) апреля 1913 г.; ученые из России представили тринадцать докладов (см. список участников и перечень их докладов: International Congress of Historical Studies. Programme of Papers & List of Readers. S. 1., s. a. P. 14–22).

Конгресс широко освещался в русской научной периодике: *Ардашев П.Н.* Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб., 1913 (Отд. отд. из «Журнала министерства народного просвещения»); *В. В.* [*Водовозов В.В.*] Международный конгресс историков в Лондоне // *Голос минувшего*. 1913. № 5. С. 277–280; *Митрофанов П.П.* Международный исторический конгресс в Лондоне // *Гермес*. 1913. № 9. С. 246–248; № 10. С. 280–284; *Тарле Е.В.* Международный исторический конгресс в Лондоне (3–9 октября (sic!) н.с. 1913 г.) // *Научный исторический журнал*. 1913. Т. 1. Вып. 1. № 1. С. 130–133.

Лаппо-Данилевский участвовал также во втором и третьем конгрессах историков, проходивших 1–9 (нов. ст.) апреля 1903 г. в Риме и 6–8 (нов. ст.) августа 1908 г. в Берлине, но в выборках из его писем никаких данных об этом нет.

№ 47

Лондон, <апрель 1913 г.>

Переезд через море я проспал и проснулся уже за 1^{1/2} часа до суши.

Первый день весь прошел в разъездах: в Бюро съезда, в компании с *Б<олдыревым>*,² затем в Оксфорд к *Виноградову*,¹ что взяло

¹ Хук-ван-Холланд (*нидерл.*) – район города Роттердам и порт на юго-западе Нидерландов, расположенный на побережье Северного моря у начала канала Нйве-Ватервег.

² Болдырев Николай Васильевич (1882–1929) – историк права, публицист. С 1 ноября 1912 г. приват-доцент кафедры государственного права Петербургского университета; 28 января 1913 г. командирован за границу «с ученой целью» на два года, по 1 января 1915 г. Его

четыре часа с лишком, потом на обед Исторического общества, который окончился в начале 11 ч. вечера. За обедом были приятные соседи – Vémont,² редактор «Revue historique»,³ этнограф Johnston,⁴ историк Prothero.⁵ Писать обо всем невозможно, расскажу по приезде. Свой доклад мне придется читать в Общем собрании и, кажется, удастся получить 40 минут, что важно для спокойствия, так как серьезно здесь проделывать что-либо очень трудно. Читать буду, судя по расписанию, в понедельник. Сегодня надо воспользоваться свободным временем, чтобы подготовить одно предложение, которое я думаю внести 9 апреля. Отель, в котором нас поместили, замечательно спокойный, хотя очень большой, с громадным parlour'ом⁶ и т.д. ...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 89 об.–90.

письма к А. С. Лаппо-Данилевскому 1905–1918 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 60.

¹ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – русский историк-медиевист и правовед; с 22 декабря 1903 г. – профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. Его письма к Лаппо-Данилевскому 1910–1916 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 91.

² Бемон Шарль (Vémont Charles; 1848–1939) – историк-медиевист. Его письмо А. С. Лаппо-Данилевскому от 14 июня 1914 г.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 45.

³ «Revue historique» – французский научный журнал, основанный в 1876 г.

⁴ Джонстон Гарри Гамильтон (Johnston Henry Hamilton; 1858–1927) – исследователь Африки, этнограф и ботаник.

⁵ Протеро Джордж Вальтер (Prothero George Walter; 1848–1922) историк и писатель, президент Королевского исторического общества с 1901 по 1905 г. Его письма к Лаппо-Данилевскому 1914–1917 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 300; ср. также письма Лаппо-Данилевского к Протеро: Там же. Ед. хр. 17.

⁶ Приемная (англ.).

№ 48

Лондон, апрель 1913 г.

Пишу только несколько слов, так как живу в страшной суматохе, которая, признаться, не особенно удовлетворяет и очень утомляет. Теперь я в волнении при мысли о том, что и как буду читать завтра совершенно незнакомой мне публике. Впрочем, несколько интересных и полезных знакомств с иностранцами мне удалось сделать. Завтра напишу подробнее...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 90–90 об.

№ 49

Лондон, апрель 1913 г.

Наконец-то я освободился от дел, связанных с конгрессом. Последние дни не было положительно ни одной свободной минутки и не удалось написать тебе ни строчки. В воскресенье пришлось утром и вечером готовиться к своему докладу и было беспокойно на душе, а днем быть на одном совещании и завтраке, который я сам затеял и на котором присутствовало несколько европейских историков, для обсуждения одного предприятия, связанного с международной Ассоциацией академий. Вместе с тем нужно было составить записку от лица русских делегатов, приглашающих устроить следующий международный съезд в Петербурге через пять лет. В понедельник утром я ловил русских депутатов, а к 2 часам поехал вместе с Болдыревым в Лондонский университет, где назначено было Общее собрание.¹ Первым читал известный историк Ed. Meyer,² вторым я,³ а затем было еще два докладчика — историк

¹ Ниже описывается общее собрание участников конгресса, состоявшееся 7 (н. ст.) апреля 1913 г., на котором пленарные доклады прочли Э. Мейер, А.С. Лаппо-Данилевский, К. Лампрехт и Н. Йорга (см. далее).

² Мейер Эдуард (Meyer Eduard; 1855–1930) – историк древнего мира, с 1902 г. профессор Берлинского университета; выступил с докладом на английском языке «Ancient History and Historical Research in the last Generation». Его письмо Лаппо-Данилевскому от 12 декабря 1909 г.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 242.

³ Лаппо-Данилевский выступил с докладом на французском языке «L'idée de l'Etat et son évolution en Russie depuis le temps des troubles jusqu'au

Lamprecht¹ и румын Jorga.² Я очень боялся, но конкуренция оказалась довольно-таки слабой и, хотя мне во время самого чтения пришлось многое сократить, кое-как справился со своей задачей. После доклада, кроме разных общих фраз, были и более определенные высказывания. После Общего собрания я съездил обозреть здешний главный архив (Public Record Office), затем в 6 час^{<ов>} заехал к Виноградову и вместе с ним отправился к председателю Конгресса Ward'у,³ живущему очень далеко от центра, по делам конгресса. Оттуда пришлось спешить домой, переодеться (вечером обязателен фрак) и ехать на обед к Б.,⁴ от которого я не считал удобным уклониться. Обед был довольно скучный, впрочем, соседом у меня оказался какой-то дипломат, знакомый с Англией и небезынтересный собеседник. После такого дня я и не был в состоянии написать тебе. Во вторник та же самая история. Утром я был на заседании одной из секций и прослушал два доклада: один довольно интересный, другой об «историометрии» – вздорный.⁵ Днем пришлось сочинять речь от лица русских делегатов для Общего собрания утром в среду и речь для вечернего банкета в Оксфорде в тот же день. А тут еще приехал Виноградов и стал уверять, что надо, чтобы кто-нибудь из русских произнес речь на обеде в этот

temps des réformes» (опубл.: *Ланно-Данилевский А.С.* Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований // *Голос минувшего*. 1914. № 12. С. 5–38).

¹ Лампрехт Карл (Lamprecht Karl; 1856–1915) – немецкий историк; с 1891 г. профессор в Лейпциге. Активный участник спора о методах исторической науки 1890-х гг. Выступил с докладом на немецком языке «Jüngste geistige Strömungen in Deutschland».

² Йорга Николае (Jorga Nicolae; 1871–1940) – румынский историк, писатель и политик; выступил с докладом на французском языке «Les bases nécessaires d'une nouvelle histoire du Moyen âge».

³ Уорд Адольфус Вильям (Ward Adolphus William; 1837–1924) историк, литературовед, писатель; президент Королевского исторического общества с 1899-го по 1901 г.

⁴ По-видимому, имелся в виду Вильям Лайгон, 7-й граф Бьючем (William Lygon, 7th Earl Beauchamp; 1872–1938), вице-президент лондонского конгресса историков.

⁵ О докладе «Historiometry as an exact science» («Историометрия как точная наука») Фредерика Адамса Вудса на седьмой секции по истории средневековой и новой культуры; ср. примеч. 3 на с. 836.

же день. Я отказался, и это дело не устроилось, так как не нашлось желающих говорить. На обеде же (по подписке) нельзя было не быть, и кончился он, конечно, только в 11 ч<асов> вечера. В среду утром я должен был быть на Общем собрании и там произнести маленькую речь на английском языке с приглашением в Россию.¹ Хотя греческий посланник, с которым я тут же познакомился, также приглашал в Афины, но наше приглашение одержало верх, французы, австрийцы и немцы говорили в нашу пользу. Общее собрание затянулось до 11 час<ов>, а в 12 надо было уже ехать в Оксфорд, так что еле успел попасть на вокзал, где меня уже ожидал бельгийский историк Pirenne,² с которым условились ехать вместе. Принял нас в Оксфорде Виноградов, у которого я и ночевал.³ Сперва нас водили по городу и показывали колледжи, а к 7 час<ам> повели на обед. Председателем обеда был Марлей,⁴ а по обеим его сторонам Гирке⁵ и я: нам при-

¹ Текст речи А.С. Лаппо-Данилевского на английском языке сохранился: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. 91. Л. 5 об.–6. По подготовке четвертого международного конгресса историков, который должен был проходить в Петрограде, Лаппо-Данилевским проводилась большая работа, см.: Документы по участию в подготовке IV Международного съезда историков в Петербурге в 1918 г. Подлинники, копии, черновики. 1913–1915 г. // СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 94. 234 л. Предварительная программа четвертого конгресса была написана ученым: *Лаппо-Данилевский А.С.* Программа международного исторического конгресса в С.-Петербурге в 1918 г. СПб., 1913.

² Пиренн Анри (Pirenne Henri; 1862–1935) – бельгийский историк-медиевист. Два его письма к Лаппо-Данилевскому 1914 г.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 284.

³ Еще в письме от 17 февраля 1913 г. Виноградов, радуясь тому, что Лаппо-Данилевский будет участвовать в третьем Международном конгрессе историков в Лондоне, обговаривая с ним приезд в Оксфорд 9 апреля, писал, что ночевать тот будет, конечно же, у него (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 91. Л. 14–15 об.). Речь, произнесенная Лаппо-Данилевским 9 апреля 1913 г. на английском языке, сохранилась: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. 91. Л. 7–9.

⁴ Морли Джон (John Morley; 1838–1923) – государственный деятель, историк, писатель.

⁵ Гирке Отто фон (Gierke, Otto Friedrich; 1841–1921) – немецкий историк права и политик. Его письмо Лаппо-Данилевскому от 13 января 1914 г.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 114.

шлось отвечать на его речь по-английски. Дело обошлось, если не особенно блестяще, то все же, кажется, сносно. Сегодня утром я вернулся в Лондон с Виноградовым, с которым мы долго разговаривали о научных материях, а днем вместе с Болдыревым ходили по картинным галереям. Завтра иду заниматься в Британский музей...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 90–92 об.

№ 50

Лондон, апрель 1913 г.

В течение этой недели я много времени проводил в Музее и познакомился с английской и другой литературой, старой и новой по методологии, что я и собирался сделать здесь, но бывая и в «обществе». Один из здешних ученых Н.¹ (правду сказать, не знаю, в чем состоят его научные заслуги), имеющий довольно много связей, два раза кормил меня завтраками и знакомил с разными людьми. Из них Wright² оказался очень симпатичным: он директор большой Лондонской научной библиотеки, которую мне показывал, дал мне возможность познакомиться с ее каталогами, даже последними – карточными. Каталоги эти сделаны по предметам, так что можно сразу найти интересующие тебя материи и содержат сведения не только о книгах, но и о статьях. Сам Wright интересуется Россией, знает Толстого и Тургенева, немного говорит по-русски, поил меня чаем. Другой, Lee,³ пригласил меня обедать: он главный редактор «Dictionary of National biography» и специалист по Шекспиру, он уговаривал меня остаться на празднование юби-

¹ Лицо неустановленное.

² Райт Чарльз Теодор Хагберг (Wright Charles Theodore Hagberg; 1862–1940) – секретарь и библиотекарь Лондонской библиотеки с 1893 г.; известный русофил, переводчик Л. Н. Толстого. Его письма к Лаппо-Данилевскому 1913–1917 гг.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 307.

³ Ли Сидни (Lee Sidney; 1859–1926) – историк, писатель и критик; биограф, издатель и комментатор Шекспира. Сначала помощник главного редактора, а затем главный редактор английского «Национального биографического словаря» (Dictionary of National biography. [London], 1885–1901. Vol. 1–66). Его письмо Лаппо-Данилевскому от 13 марта 1914 г.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 222.

лея Шекспира, но с меня уже довольно. Сегодня я, вероятно, уж в последний раз завтракал у Woods'a,¹ который показывал мне одну из древнейших Лондонских церквей и другие достопримечательности Темпл'я,² квартала юристов. А в 4^{1/2} был на «час» у Mrs Green,³ старушки, прикосновенной к здешним литературным кругам. Все эти посещения отнимают время, но и отказываться о них едва ли желательно, да они уже и кончились, так как всем говорю, что уезжаю в воскресенье...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 92 об.–93 об.

№ 51

Bruges,⁴ апрель 1913 г.

Вчера и даже сегодня утром я был еще в Англии, а сейчас уже в Бельгии. Вчера я не успел написать тебе, так как последний мой день в Лондоне оказался, конечно, очень хлопотливым. Утро я еще провел в Британском музее за работой, результатом которой я в общем доволен: за эти полторы недели я познакомился со старинными сочинениями по методологии истории до второй половины XVII века, а затем с английской литературой XVII–XIX веков, касательно того же предмета. Нужных для этого книг в Петербурге я не мог бы достать, в чем заранее удостоверился, а здесь они все почти оказались под руками. Затем мы с Н.В. Болдыревым по обыкновению немного погуляли среди древностей. Простившись с Н<иколаем> В<асильевичем>, я еще побегал по букинистам и антикварам, а после обеда отправился слушать Никиша, дирижировавшего «Рейнгольд» Вагнера в Лондонской опере. Было, конечно, хорошо, с его умением владеть оркестром. На следующий день ра-

¹ Вудс Фредерик Адамс (Woods Frederick Adams; 1873–1939) – историк, чей доклад «Historiometry as an exact science», услышанный накануне, А. С. Лаппо-Данилевский выше называет «вздорным».

² Темпл (*англ.*).

³ Миссис Грин (*англ.*), т. е. Грин Элис Стопфорд (Green Alice Stopford; 1847–1929) – англо-ирландский историк; ее имя фигурирует среди организаторов секции VII конгресса «History of medieval and modern civilization» («История средневековой и современной цивилизации»).

⁴ Брюгге (*фр.*).

но утром выехал в Bruges. Переезд по морю был, как по какому-нибудь итальянскому озеру, только около Остэнде поднялся ветер, от которого гребни волн стали разлетаться в брызги. Город удивительно живописный: каждую минуту встречаешь новый вид на какой-нибудь точно замерший уголок старины. Не говоря о церквах и гражданских зданиях XII и следующих веков, многие площади и улицы, а также и каналы сохранили свой старинный вид. Завтра выезжаю в Кельн и Берлин, думаю, что это мое последнее длинное письмо. Из Берлина буду телеграфировать...

Печ. впервые по рук.: СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 93 об.–94 об.

ЛИТЕРАТУРА

Ардашев П. Н. Третий международный исторический конгресс в Лондоне. СПб., 1913 (Отд. отт. из «Журнала министерства народного просвещения»).

Винкельман И.И. История искусства древности; Малые сочинения / изд. подгот. И.Е. Бабанов. СПб., 2000.

В. В. [Водовозов В.В.] Международный конгресс историков в Лондоне // Голос минувшего. 1913. № 5. С. 277–280.

Гревс И.М. А.С. Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 44–81.

Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 г.) / публикация и вступ. слово В.И. Рутенбурга // Россия и Италия. М., 1993. С. 281–315.

Зонова Н.С. Российские историки на международных конгрессах исторических наук начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004 (на правах рукописи).

Грехова Г.И. Эпистолярное наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. 8. С. 262–273.

Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX в. как культурная традиция // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 92–138.

Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах Эдуарда Мейера // Известия Имп. академии наук. VI сер. 1910. Т. IV. № 1. С. 35–37.

Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах проф. Анри Пиренна // Известия Российской академии наук. VI сер. 1919. Т. XIII. № 1. С. 60–62.

Лаппо-Данилевский А.С. Краткий отчет о занятиях в Государственном Кенигсбергском, Королевском Неаполитанском и Ватиканском архивах весной 1902 г. // Известия Имп. академии наук. V сер. 1902. Т. XVII. № 4. С. 01–01V.

Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Н. Фирсова «Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II» // Записки Императорской академии наук по Историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. VIII. № 2. С. 5–38. (Отчет о сорок седьмом присуждении наград гр. Уварова; отд. изд.: СПб., 1906).

Лаппо-Данилевский А.С. Проект адреса от Академии Берлинскому университету // Известия Имп. академии наук. VI сер. 1910. Т. IV. № 17. С. 1378.

Лаппо-Данилевский А.С. Сообщение о международном конгрессе историков, происходившем в Берлине 6–12 августа (н.с.) 1908 г. // Известия Имп. академии наук. 1908. С. 1113–1116.

Митрофанов П.П. Международный исторический конгресс в Лондоне // Гермес. 1913. № 9. С. 246–248; № 10. С. 280–284.

Отчет академиков О.А. Баклунда, К.Г. Залемана, Ф.Н. Чернышева и А.С. Лаппо-Данилевского о командировке на общее собрание Международного союза академий, состоявшееся в Риме весной 1910 г. // Протоколы заседаний Общего собрания Имп. академии наук. СПб., 1910 (прил. к протоколу заседания 6 нояб. 1910 г.; без паг.).

Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135–256.

Тарле Е.В. Международный исторический конгресс в Лондоне (3–9 окт. (sic!) н.с. 1913 г.) // Научный исторический журнал. 1913. Т. 1. Вып. 1. № 1. С. 130–133.

Gierl M. Geschichte und Organisation. Institutionalisierung als Kommunikationsprozess am Beispiel der Wissenschaftsakademien um 1900. Göttingen, 2004.

Offizieller Katalog der Internationalen Kunst-Ausstellung des Vereins bildender Künstler Münchens (A.V.) «Secession», 1896 / 3. Aufl., ausgegeben am 1. August 1896. München: Bruckmann, 1896.

Abstract. The letters from the Russian historian Aleksandr S. Lappo-Danilevskii to his wife Elena Lappo-Danilevskaia perished after her death in the siege of Leningrad during the Second World War. However, excerpts from them made by Elena Lappo-Danilevskaia have been preserved in the St. Petersburg Department of the Archive of the Russian Academy of Sci-

ences. The letters were written during various trips from 1896 to 1913, when the historian travelled without his family to Switzerland, France, Germany, Italy, England and Holland. They capture a range of impressions: the wild nature of the Alps, museums and urban architecture, western colleagues met at congresses in Rome, Geneva, Berlin, and London.

Keywords. Aleksandr S. Lappo-Danilevskii, I. M. Grevs, Russian Travelogues, International Congresses of Historical Studies, the International Association of Academies, the reception of Western European culture in Russia.